

Французская история литературы XVII и XVIII вв.

Но именно А. Курциевская даже на русскую литературу XVIII столетия она оказала очень сильное и благозвучное влияние; не будем говорить — замечаясь от — о пресловутой „Телемахида“ Шреддиковского, которая даже рано пережила сама себя и интересна только, как доказательство того, что тенденциозный роман Френелона считали великой эпохей; — весь помпозный и правдоподобный роман русский, начиная от „Великого“ С. Давыда до „Кама и Тармоний“ Хераскова, в значительной мере вдохновлены Френелоном.

Приключения Телемаха вполне заслуживают своей прошлой славы и, как это довольно часто бывало в истории литературы, знаменитость заглавия книги и отрывков из нее вводят справедливой оценке книги в цельность. Но даже ит итак, эта книга удовлетворяет весьма требованию классической эстетики, хотя в основе ее лежит цель скорее дидактическая, чем эпическая; в образе Телемаха Френелон хотел представить своему воспитаннику образец волевого дара, — и, не смотря на множество недочетов, книга эта замечательна по благородному, хотя и крайне ограниченному либерализму, с какими автор, при всякой возможности, воздерживаясь против произвола и произвола. Короче сказать, это последнее слово возрождения древности и нового классицизма, в котором давно

персонифицируя культуру каменев органически сливая ее
вновь машиной. —

Взвешенный сочинения Френелона и его переписка
с принцами королевского дома гораздо больше Телле,
така итакотъ догматическѣ политическѣ, но въ мѣрѣ
разумно-историческѣ отношеніи они ничтожны. ¹⁾
Вносимъ въ виду Бодервѣ Франціи, приписываемъ
гезолобѣль Людовика XIV, въ перстиски съ герцогами
бургундскими и др., Френелонъ являясь уже не такъ
свободнѣ монархическѣ; отъ все сильнѣй и сильнѣй
выдвигая впередъ обязанности монарха слушать
своихъ подданныхъ и слушать необходимѣ, тогда
отъ въ труднѣхъ случаяхъ обращая за собою
къ выборнымъ изъ народа.

Какъ ни далеки миролюбивѣ, политическѣ и
кровакѣ смескѣ Камбрийскѣ отъ революціи, какъ
ни невинна политическѣ мораль Теллемаха, изъ-за
котораго ^{тогда} смескѣ навсегда померла королевскѣ
милосердѣ, — между тѣмъ самая книга вскоре сдѣлалась
безвредною, дозволена книжничѣ, — такъ слабо было ору,
тѣхъ этой первой оппозиціи, — за все-таки идея объ объ,
занное тѣмъ монарха, такъ сильно выдвигая въ
прекрасно написанной и популярной книжничѣ,
бела за собой, естественнѣ, крикнувъ дѣйствѣ правды,
суба и существующаго порядка. Общѣе стѣлой

¹⁾ Кроме того, большинство сочинений Френелона носило слишкомъ
специально догматическѣ характеръ, тогда какъ можно было размахри,
важнѣ тѣхъ здѣсь, но такъототъ изъ нихъ, по своему стѣюму, доступнѣ
для тогда

инокоси бывшего слуги церкви и престола, как плато
 вознагражденного, усмиряло дворянство Шеллманса. *)
 Эти ниги привидываются Фенелона к XVII столетию (последним из предков,
 впрочем которого онъ ильдет): бара и любовь к древности. Восток дружин своих герман-
 XVIII-ое столетие (Le Dix-Huitieme Siècle) сталою нарицательною, а
 и оригинальностью направлением мысли, наконец, всею своимъ

Общая характеристика XVIII в.

Люди XVIII века называли свое время столетием
 разума и просвещения (le siècle de la raison, des lu-
 mières; das Zeitalter der Aufklärung), столетием кри-
 зиса; le XVIIIe siècle est le siècle de l'esprit (le mot est
 de Goethe), le siècle des idées, le grand siècle. Никогда
 до этого не было столько творимости в силе чело-
 веческого разума; никогда не было столько ненависти
 ко всему, что могло бы свести его свободно и
 поэт. В средние века походили утвердили о не-
 мощи человеческого мышления, походили указывали
 на недостижимость и таинственность суджений.
 При роении ветвь верховных вопросов, усно-
 ковалась на традицию, на посягательства церкви,
 на освященные времена авторитета. Булла
 папы, приговор епископа, свидетельство Вулгарды,
 ссылка на какого-нибудь отца церкви, — Jakobus дово-
 ды, на которые опирались, доказывая то или другое по-
 ложение; эти доводы признавались вполне убедитель-
 ными: только оградившей ересь державы иере,
 судили за геру продажу и подвергались за это наказания

— она очень близка
 ко Вольтеру, а особен-
 но ко Руссо. Его ре-
 лигиозные скоре
 маскирует у него
 горюю свободу разума
 немелл смущать и
 похищен; край-
 того, разум Фене-
 лона, похищен его
 воиш, подиши,
 ездя рецензия,
 между. Его Lettre
 à l'Académie, ve
 flexions particu-
 lières sur la gram-
 maire, la rhétorique,
 la poésie et l'histo-
 ire в 1716 г.
 2-е edit. 1718 г.
 Восстановлено

*) Нисколько словъ о распространении
и влиятіи классической поэзии во
Франціи и ссранныхъ къ ей прилжна,
ицнль.

Вельдсрвіе рѣшительнаго упадка, наступившаго во вѣснль зматко-свронпейкнль и мдературнль въ концъ XVII вѣка, и въ до нне время несомннннн, мало превосходства французской поэзіи въ вѣснль Людовика XIV, французскій классицизмъ получилъ преобладающее вліяніе во всей Европѣ. Начавшій еще во время Корнелля, Буало, Расина и Мольера, оно доушло необходимой силы въ первая десятилетіи XVIII вѣка и, среди разнообразныхъ колебаній и новаго переворотовъ, продолжалось вплоть до второй зрѣлой дого нне столетіи. Вскорѣ сдѣлалось общепризнанной истиной, что одна только новофранцузская литература могла сразу въ уровень съ цѣлнми ннми преваме всего наидрнниками древне-классическихъ литературы и это нднцннль правнль, поощрнтель и ясная бразумительность содержания составляють главнѣнннн свойства великой поэзіи, которая догерь сразу выше первообразной и ереду великой грубоети. Изначь, мы вскорѣ возротаель французскую школу въ англійской и ннн, немецкой, итальянской и испанской поэзіи. Периодъ французскаго вліянія замыкаель вездѣ и вездѣ.

и легкой казни". В разгаре XVIII — также названного философского — столетия господствуют совершенного про- живоположенные воззрения. Не существует вопроса, ко- зорый быль бы признанъ неподлежащимъ рациональ- ному объединению; нтъ никакого положенія, которое было бы изгнано отъ пробирки разума. Нтъкогда встаетъ нтъ традиция, ссылки на старинные авторитеты, нтъ, нтъ вѣдкое значеніе. Прошедшее и настоящее, — то, что въ реченіе быковъ принималось безъ вѣдкихъ сомнѣній, и не допускало никакого обсужденія, — подвергнуто неумолимой критикѣ. Обо всемъ на связи судать и рядать, обо всемъ „философствовать“. И въ другіе вѣка, (говоритъ Алексій графъ де Токвилль (Tocqueville, 1805-1859), мы вопрошаемъ мощные и независимые мыслители, козорые сбросили то общепринятые мнѣнія, узаконенные доктрины, и въ сторону отъ мира стремляе- къ идти. Но это люди одинокие, или же кризиса касаясь только нтъкозорыхъ отдѣльныхъ вопросовъ человѣческаго познанія: XVIII вѣкъ озмываетъ въ изгнаниіи человѣчества именно то, что эта снѣлая многозначительность овладеваетъ цѣлыми поколѣніями и что одновременно она направлена на вѣтъ пред- мѣты человѣческихъ вѣрованій: въ одно и то же вѣе, нтъ разрушающей основаній, на козорыхъ догоняетъ по- конится наука, искусство, философия и политика.²⁾

1) см. А. Шахова: „Волтеръ и его вѣея“. Стб. 1907. стр. 10.

2) тамъ же и Tocqueville, IX, p. 2.

Знание, что все поднесишь обсушено, что все должно
быть выведено средними одного разума, и создавшее
отличительную черту людей XVIII столетия.

Не исключено было влияние установок французской
мысли, дошедших к ней первенствующее значение во
Европе XVIII века, — говорит Алексей Н. Веселовский, —
должны начинать свое повествование историки литера-
туры этого периода. Третье предшествующее отдаленное рас-
каза грома, блуждающая вьспышки молнии. Там же во
народной жизни переломить коренной всегда задолго
предсказывающей гаснущими проявлениями политического,
общественного, литературного прогресса. Попробуем ли,
важно и охватывать массу, они образуют неподлинную
силу. Просветительский период со всеми его выдающим,
миссия германской, гуманистическая проповедь Энциклопедистов,
скандинавских Волгера, социальная сатира Бомарше уже
наметились во самом начале века; издательством
движения 1789—93 годов в закон ищущих его кор-
ней во время наибольшего напряжения могущества
Людовика XIV и благодаря излучающее развитие „революцион-
ного духа до революции“.

По заведенному порядку французские историки
литературы считавшиеся отдалены ей, отведенный XVIII веку,
во рамки, разграниченный в 1715 годовым, как порою
смерти Людовика, и вздымаются Басвилем (во 1789г.); но,

по мнению Веселовского, цитируемого и научное
 Бюде — подырается къ самому рубесну двухъ столетий,
 и съ другой стороны, сходя за судьбю идеи, бойди когд
 тьско-нско въ глубь того переворога, гдѣ уже начина
 ютъ обозначаться отличительные признаки умервен
 ныхъ зеленій XIX столетия.

А тошарается разсмотрѣть происхождение, происхо
 жское развѣтѣ и распрохраненіе въ обществѣ такъ
 называемаго просвѣдительскаго движенія, которое въ
 XVIII вѣкѣ обваило франныю и развилось орудом
 съ болшей или меншей средннствленностью по вѣтвямъ
 сдранамъ образованнаго — цивилизованнаго міра.

Въ то время, какъ подьди французскихъ армій, ценныи
 дипломатіи и блескъ придворной словесности еще оснѣн,
 нали вбропу, поддерживая вѣру въ недослаемое пре
 восходство изыщной Версаиской культуры и на диво
 централизованной власти, сколько нибудь проника
 зельный наблюдатель могъ безъ зрѣда распознать,
 что далеко не все дѣшези благополучіемъ въ этой
 передовой сдранѣ, что обманчивый блескъ едва при
 крываетъ начинающееся разложене, что не подьди,
 мощь армій, сказочное богатство кадры, проникаетъ,
 мощь вышней полицики нитто иное, какъ рядъ
 мидовъ; нравственнае падене общества, недержимость
 и фанатизмъ церковниковъ, ханжество, овладѣвшее

и королевы, и его драхловшего подручного, мензенона, сызъ ипзривъ, финансовый спекуляцій, вымогадательскы послѣднѣго гроша у зрудовныхъ классовъ, — возъ, что предъ сзавидялоя безприсрастному наблюдателю, и, если отъ одаренъ были способностю снмашъ, до него, должны были долеразъ звыси ея зрудомъ сдѣрши велемаго роножа. Межнмное сосозаніе мзгаразурн и науки зочно закнне мало соозвызривало лоднелю предъзавленію объ нхъ сущестной роли, объ удивительномъ уравненіи великы мнѣній, при веденіи будзо бы въ господерву изднчно выраженннхъ и безвредныхъ общнхъ мнѣній. Въ снмнхъ нтодравъ зой школы, что доселъ славерь подъ безсодержательныхъ мнѣннхъ псевдо- или лже-классицизма, зрѣла не зависимоеръ мысли, озвнчно порнзавнней сущесзвующій порядоке. Въ зтомъ слоднмнхъ въ свое время и полочеръ съ его безпоцадннхъ разоблаченіемъ соціальной гннн, значенія козорого млодобнхъ ннкогда не былъ въ соезѣ, дннн почнзъ, и Лабронзень, проникавшій въ басннхъ до сокровенннхъ ннннхъ зронкобъ общесзвѣтнаго порядока и за зо наказанннхъ немилосерзю, Лабрнннннн и даже безуркорнзненннхъ Буало. Къ зтннхъ голосамъ скоро при, соединнмнхъ собствнхъ узне ннннхъ не сзъсннннхъ мнѣннхъ млодей, унннннхъ на сурннннхъ озъ гнннхъ. Тон, ланднн, швецнн, швейцарнн, Англнн срановнмнхъ нн, ланннхъ убѣзнннхъ зтннхъ эмнннннхъ, мосудннн

скопившихся с родимой, направлявших издали
 общесербное, религиозное, научное движение и обра-
 зовавшие вить огулезува несколько важных центров
 французской универсальной деятельности. Уже в первой
 половине XVII века Декарт долгие годы удалился
 в Голландию, а огула перекладе в Фоклонг; кака,
 но XVIII века еще задало в зимних спашагося
 законе в Голландию прямого предшественника Вол-
 зера, Пьера Тэйля, уже покрывало славою смятых
 нападеній на догматизму, на политический и нрав-
 ственный кодекс, и на засраженные предразсудки;
 его оставил ореол мученика за идею, а его „Меторико-
 кризисский словарь“ казался немощным арсеналом
 лишь для борьбы с зарыми порядками, где бы она
 ни велась. Возрожденная свободою Англия законе
 начинала уже тогда привлекать зря, кто не в силах
 был помириться с домашними гнетом, — и оура,
 умный великодушный Ренэ-Давидом, зорь предзема по-
 вышней кризиски, высоко ценимый в свое время за
 творчество эволюционных суждений, но не угодивший сво-
 ему повелению, стался в изгнание ревностным
 англоманом и зонским порицателем не одних только
 мизерабурных несовершенств во Франции. Англий-
 ское научное влияние законе сказалося задолго до эн-
 циклопедистов. Французам в своих „Взглядах о

множеству мировъ (Entretiens sur la pluralité des mondes) собралъ въ общедосушной формѣ то, что дано ему при, лезное издѣніе назуралмезовъ и авторизерныхъ писа, зель по астрономіи и небесной механикѣ; несмотря на крайнюю сдержанность его тона, Фронзенелъ ослабилъ безбожничкомъ, и оны едва чувствительны отъ преследо, ваній.

Возмущалъ и церковные круги, гдѣ ни за что не хотѣла замолкнуть организация, зредобавшая самоцуврав, ления галликанской церкви. Припоминано вать, в.г., здѣсь лишь Боссеоза. Гизуизы призвали на помощь патскій авторизеръ; знаменитая въ свое время булла Миденитус какъ стого на голову упала на француз, ское духовенство; низвергнули были грѣши на французскіе мобынаго во Франціи церковнаго писателя Кетеля: „Reflexions morales sur le Nouveau Testament; изъ него извлечено его резюмѣ, и все они объявлены ерезическими. Разгорѣлась браида, оуражившаяся не только въ бого, словескыя сочиненія, но и во множеству бромторъ, памфлетовъ, сатурнскихъ тасель. Когда уже Рима при, слава была обязагальна, церковная консукуция, парижское духовенство, по болшой части принадле, ставшее къ Ясенисскому долку, еще разе заявило свое независимое. Парламентъ оуказалъ занести Фрозъ уеавъ въ свои записки законовъ; прозывать изъвѣ

1) Миденитус — зривъ словотъ начинающаяся булла папы Клеменса XI, въ 1713 году, была направлена прозвать Ясенисховъ.

духовенства слиталось съ оппозиціей высшего суда, не прощавшаго случая для осужденія произвола. Въ аристократической средѣ законе слышались недовольныя голоса гезолодцевъ, придавленныхъ всевластіемъ короля, оскорбленныхъ успѣхами каттилизма, смѣло поднимавшагося въ послѣдніе годы правленія Людовика, досаждавшихъ на обязательное нравственное и набожное лицемеріе, нездорово осмѣивавшихъ возмозможности вернуть пошердѣнное и зашипы перри, нудженно.

Защитникъ Беранже передъ судомъ времени резавъ, рации, Диоминъ, въ превосходной рочи, обзрѣвавшей несторію французской сатирической пьесы, мензѣтам, кой снуртнцы народа, назвала французю „абсолютной монархіей, ограниченной пастидли“. Въ изучаемой порчи, какъ замочаеръ Ронсе (Раміе) въ своемъ „*Essai, sonnier historique du 18e siècle*“, — это определение въ особенностѣ приложено. Безыменная пьеса, разоблачавшая забвѣтныя тайны, все знавшая и никого не удивлявшая, первая вернула за поруганную гезуносу, справедливую и здравую смисль. Въ обширности собраніи, составленномъ въ XVIII вѣкѣ Кле, рамбо и Морена и изданномъ ^{въ} прошломъ столѣтіи, созили змѣль куплетовъ развѣтливую короля и его близкихъ, раскрывающую мнзидныя. Биографія мнн.

судровъ и стѣзскихъ дамы, и клейнбургъ иже позоривши
 ижеками. Озь зрѣть тѣснѣ прѣмой переходъ къ полнѣ,
 зинескиль сужихвореміямъ молодого Волъзера и его
 сверзничковъ. Одины изъ нихъ, Ангуаровъ Луи Лебрѣтъ,
 въ земной сариртѣ, многими приписанной Волъзеру,
 будущему автору Кандида, собрали вѣсь безозрадивѣ черзъ
 современности, разсклѣтывѣ по оудальствивѣ тѣснѣмъ
 chansons.

Заглавіе уше краснорѣчиво, — Мисѣсѣкъ конца
царезубованіѣ Моловика, или, какъ говорилось тогда въ
 проскуротинѣ, „Я видѣлъ иже“ (Les j'ai vu). Печальнѣ
 собицѣ видѣлъ я на своемъ вѣку, горюсѣ сужихворецѣ,
 „Я видѣлъ Базилио, Венсенъ, Шагле, Бисертъ и
 зѣсдѣгу зѣрель, переполненнѣмъ гезувивѣ грасидана,
 ми, вѣривѣмъ подданнѣмъ. Я видѣлъ свободу оудрого,
 здравѣ смѣль поудално поцираемѣмъ. Я видѣлъ
 народъ спонущивѣ озъ жесерокой неволи. Я видѣлъ
 солдартъ, умирающихъ озъ голода, зѣмѣющихся озъ обидъ
 и негодованіѣ. Я видѣлъ подѣ оудридою земцинѣ
 дѣмона, предписывавшаго намѣ законы... Я видѣлъ
 лицемѣровѣ въ погертѣ, видѣлъ (и зрѣмъ все сказано)
 гезуиза, козорого вѣсь обожали. Я видѣлъ это въ мрачнѣ
 царезубованіѣ гоеудартѣ, козорого небеснѣмъ гнѣвъ по,
 слалъ намѣ въ наказаніѣ за наши пламеннѣ
 стеланіѣ. Все это я видѣлъ, — а мѣ еще нѣтъ и

двадцати лет!"

Заодно с тиснением и политическою сатирою разово-
ла комедия. Свобода обличения со сцены, всегда считава-
вшаяся опаснейшею во глазах деспотических
правительствъ, была, разумеешь, съобщена доверству,
но, какъ невозможно было помышлять народною эти-
графичею, этой „окопченной лезучести“, внезапно вни-
ваюсь въ свою смерзду, какъ никакія цензурно-по-
лицейскія меры не могли унять свободнаго народнаго
комедіи. На многочисленныхъ парижскихъ ярмар-
кахъ издари процвѣтала она, выступая на подмостъ,
какъ проскрилъ балагановъ, газзо импровизированъ,
надъ въ издательскомъ вѣстѣ, съ разными поръ иди-
десинахъ; она помышляла и надъ вѣстѣ властью,
и надъ полиціею, и надъ своими соперниками, коро-
левскими актрисами, къ козоромъ зюлма видимо ошла.
Дѣвала ради своихъ саранъ модимцевъ. Обширная
народно-комическая литература¹⁾ развивалась, невольно
на призывенія. Когда запрещены были куплеты,
диалогъ сжалъ еще ошвлеленны; сократили его, — раз-
вилась выразительная пантомима; актеры разверз-
вали иногда передъ публикой длинныя свизки, на
козоромъ написана была его роль, или еще сверху ступ-
скалась красивая кукла, наконецъ даже живои ре-
беночекъ, держа въ рукахъ подобные же свизки въ зо

1) Обзоръ въ изданіи Э. М. Кайнардоновъ въ „Théâtre de la foire“.

время, как актеры, сходя внизу, делали подходящие жесты.

Но и на большой сцене, хотя и не без борьбы, пона-
дали произведения, олимпийский зов же оппозиции,
новый духовит. Нужно было много энергии, чтобы одолеть
препятствия, поборошь страху произвольных, и вынесши
последствия рокового обличения. Сказано было, в XVIII веке
французская литература сформировалась по преимуществу
оппозиционной. Она открыто возмущалась против старого
порядка (ancien regime), слишком долго подчинявшего
нацию невинному и несправедливому иезуитскому властву
своей и духовной. Хотя в царствование „короля-
солнца“ Франция сродна во главе цивилизации, светла,
ласа и во литературе, как во всем озрадала человек.
какого развития образцов для оградной Европы, но
как экономическое, так и нравственное положение
большинства французского народа было самое печаль-
ное. Мелкое французское феодализм загнивало, фран-
цузское монархическое абсолютизм, папской
непогрешимости. Мы видели, что и в XVII веке
были уже попытки свергнуть это двойное иго, но в
литературе этого века господствовало красноречие,
риторика преобладала даже в поэзии и слоды ее
загнивали у писателей XVIII века. Критическое на-
правление этого века выразилось ясно в немно-
гих писателях XVII-го: Декарт, Мольер, Лафонтен,

лабрюеръ. Суремление къ кризису, анализу, опози-
ции ородвиццо поэзіо на взорѣи млавъ, а XVIII вѣкъ
является преимущественно вѣкомъ прозаиковъ.

Но зѣкъ не менше для современнаго чловѣка изъ
мизеражуры (какъ Шаховъ выражаетея), козораъ иытала
бо болшій интересъ и болшее значение, чѣмъ ^{французскія} проза.
затѣльная мизеражура XVIII столѣтія. Французскіе
писатели XVIII вѣка опредѣлили общій характеръ
нашихъ основнѣхъ воззрѣній, вавели фундаментъ
нашего міросозерцанія, напоздали зѣи главное пунк-
тъ, на козорѣхъ сосредоточиваея наше современное
мысленіе. Знакомство съ ить произведеніями рас-
кроетъ передъ нами генезисъ ново-европейскѣхъ по-
нѣзій и оубоудитъ множество вопросовъ, какъ теоретическѣхъ,
такъ и практическихъ, поизановленихъ
въ XVIII вѣкѣ и доселѣ еще не давшихъ въ архивъ
мезоріи. Не безъ основанія (однимъ изъ мезориковъ
назвалъ) современную цивилизацію джесеро XVIII
столѣтія. Съ XVIII вѣкомъ мы тѣсно свѣзаны нами,
ми чинственными интересами, дѣятельностью великихъ
писателей — болшодумцевъ оставила глубокіе слѣды
на воззрѣніяхъ чловѣчества и заботила насъ
общіи правила и приемы для успешной работы
надъ задачами просвѣщенія. Опираея на массу
новѣхъ фактовъ, дославленныхъ позднѣйшей наукой

и позднейшими историческими описаниями, мы во многом не соглашались с учением XVIII века, во многом мы оспаривали его программы просвещения: находились некоторые из них гипотезы ошибок, были, усматриваемы несовершенство этого или другого, этого или иного воззрения, замечались нередко опровержения в выводах. Но общий их критический метод оказался в полной силе и продолжает служить переводной мостом для каждого серьезного исследователя.

Но, не только потому, что это время так резко и близко к нам по своим задачам и стремлениям, что оно так полно вопросов, не утратившими для нас значения, не только потому оно привлекает особое внимание и вызывает особенный интерес образованному человеку. В прошедшем человеке, с его его периодами, в которых мы встречаемся с замечательными произведениями в области культуры, нахождением; в другие моменты мы замечаем особенное влечение к вопросам морали; мы знаем также эпохи, когда общество преимущественно занимается задачами государственного бытия и создает литературу политическую; наконец бывает и так, что среди литературного и общественного движения появляются два — три почтенных гражданина на какую-

нибудь философскую, моральную, политическую или эконо-
 мическую тему, — и больше ничего. Напротив, во
 XVIII столетии интерес охватывается всей областью бы-
 тия; вопросы поднимаются самые разнообразные, и
 над ними работают целая фаланга талантов, и
 во литературе отражается разнообразие, всеобъ-
 емлющая изливается. Это — время генеральной про-
 борки всего изюба, кризиса разбора всего того,
 что было унаследовано от старины. Сама эпоха пре-
 бовала от тяжести универсальности, энциклопедич-
 на. Вся традиция — философская, церковная, полити-
 ческая, моральная — были призваны к суду разума
 и расчленены по новому критерию. Поэтому-то изуче-
 ние литературы XVIII века имеет глубокое образо-
 вательное значение. Раскрывая богатое содержание
 просветительских сочинений, оно приближает нас не
 к какой-нибудь одной, отдаленной области, а к со-
 вокупности человеческих интересов и к общим
 образам расширять наше мировоззрение. Во про-
 изведениях, которых мы будем рассматривать, дело
 идет не о каком-либо специальном вопросе, не о
 какой-нибудь газетной проблеме, а о существенных
 задачах мысли, о действительном состоянии природы,
 жизни человека во всей области бытия.

Ныскольско слово оъ изслѣдованіяхъ, издаваемыхъ современнѣмъ вѣс-
иinosобіяхъ по литературной исторіи русско- } подушца
софскаго вѣка.

Въ продолженіе прошлаго столѣтія французская литература XVIII вѣка была предметомъ многихъ ученыхъ изслѣдованій, многихъ публицистическихъ, ^{социальных,} многихъ книгъ по литературной исторіи, многихъ споровъ и замечаній. Значеніе литературныхъ памфлетовъ XVIII столѣтія, ихъ догматизма и недоговорки, сужденія георегическаго со- ставленности и практической приложимости началъ, бародавности вѣкомодуманій, — все эти вопросы за- нимали не только людей науки: само общество увлека- лася имъ и принимало самое участіе въ преніяхъ, происходившихъ по поводу того или другаго просвѣтл. зелья. Этому обществуинтересъ немало содѣйство- вала устоявшаяся разработка исторіи и литературы XVIII столѣтія. Среди опубликованныхъ трудовъ напечатаны грубого сырого матеріала, собрано громадное количество мему- аровъ и писемъ, издано множество руководствъ и оу- дѣльныхъ монографій для изученія великаго эпохи. Общій обзоръ этихъ трудовъ можно было бы поучительнѣе въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, отъ познавательна- ности съ главными трудами по періоду, который под- несимъ напечать разсмотрѣннато и по возможности напечать ориентироваться среди массы матеріаловъ, относящихся

во XVIII столетии. Во-вторых, отъ показана нами, что разработка историческихъ вопросовъ свойству всегда въ болѣе или менѣе явственной зависимости отъ самыхъ общесущественныхъ явленій, что историческая наука, при выборѣ и даже при освѣщеніи своихъ задачъ, всегда болѣе или менѣе руководствуется интересами и потребностями современнаго ей общества. Въ какаждой данной историческій моментъ жизни ставится или другая задача, общество увлечено тѣми или другими интересами, преследуетъ ту или другую цель, безъ надъ рѣшеніемъ того или другого вопроса. Исследователи истмываютъ на себя это вліяніе обществени, подчиняется запросу общества и сообразуясь, перѣдко помимо содѣянной воли, съ его потребностями. Смотря по тому, на какой зѣль сосредоточено общественное вниманіе, какіе вопросы занимаютъ общественную мысль, какія задачи члзавле дѣйствительности, историкъ выбираетъ изъ историческаго зоръ или другой рядъ фактовъ общественной жизни, вводитъ ту или другую сторону жизни, лишь событій.¹⁾

Эпоха ренессанса, т. е., возвращенія Бурбоновъ на престолъ во Франціи въ 1814 г., особенно богата историческими и кризисными явленіями по исторической исторіи XVIII столетія. Мы знаемъ, что господствуютъ

¹⁾ А. А. Шаховъ., Волтееръ и его время: Спб. 1902. стр. 3.

этот слой того времени был разделен на две партии,
 находившиеся в постоянной взаимной борьбе. С одной
 стороны, родовой аристократия и духовенство охраняли
 интересы старого режима, типа феодально-каролингского,
 с другой — буржуазия защищала свои новые права, за-
 вовавшие ее во время революции. В одном лагере
 говорили о возобновлении сословных привилегий,
 об усилении майоратов, о возвращении церковных
 и аристократических инквизиций или пресвитерской власти.
 В другом — звали о благе всеобщего равенства
 перед законом, о пользе продолжения земельной
 собственности, о великом значении промышленности
 и условиях ее присутствия. Феодалы и клерикалы на-
 падали на революцию и распространяли свои пере-
 дель на всю литературу XVIII века. Буржуазия, обра-
 тившись к этой литературе XVIII столетия, переизда-
 вала Вольтера и энциклопедистов, и полемизи-
 вала с проповедниками, опираясь на доводы естественного
 права. Таким образом, литература XVIII века привле-
 кала к себе всеобщее внимание и становилась пред-
 метом ожесточенных прений. В среде
 крупной и мелкой буржуазии писатели XVIII века де-
 ла дня получали все большее и большее популяр-
 ность, и им воздавалось возросшее почтение,

и ставъ упорнѣе феодально-клерикальная парція ожедала свои требованія, згнѣ больше буржуазія укреплялась въ Волгербургѣ, згнѣ ревностнѣе защищала принципы XVIII вѣка. Духовенство начало въ поел. мѣсяцѣ, проповѣдывать и своиѣ газетнѣ одличеніе волгербургцевъ. Буржуазія съ своей стороны повела усердную пропаганду полярій (XVIII) философскаго столбція. Соиненія писателей XVIII вѣка позаднѣ перепечатавались въ громаднѣмъ количествѣ экземпляровъ. Книгопродавцы, одни за другими, наперѣ, ровѣ выпускали новыя изданія Волгера, Кошутскаго, Руссо и другихъ просвѣтителей. Въ згомъ отношеніи приобрѣла громаднѣе извѣстность своей издательской дѣл. издательство нѣкто Шукке, которій далъ своему предпріятію самыя широкія размѣры. Нападки пролив, никовѣ еще больше усиливали его рвеніе; онъ больше не, утомлялъ въ перепечаткѣ и выпускалъ аккуратно каждае воскресенье по новѣму выпуску соиненій Волгера, каждае взорникѣ — по книжкѣ Руссо. Одно, временно съ ^{нѣмнѣ} множествѣ другихъ книгопродавцевъ занялись изданіемъ писателей XVIII вѣка. Архіепі, скопы и епископы писали грозныя поеланія про, зивѣ книжной заразы, а обществѣ съ знаменитѣмъ др. салоемъ на вновь оживившася дѣлѣ Волгера, Кошутскаго и Руссо. Наконецъ въ 1825 г. одниѣ клерикальнѣ

журналы составили сравнительно таблицу поучительных
 „философских“ книг, вышедших в свет с
 1817 по 1824 годъ. Изъ этой таблицы оказывается, что въ
 означенный промежутокъ времени было напечатано
 больше полутора милліона томовъ Вольтера и около полу-
 милліона томовъ Руссо... Эрозъ интересъ общества къ
 писателямъ XVIII вѣка выразился не только въ чтеніи
 ихъ произведеній. Показались монографіи о томъ или
 другомъ изъ нихъ, поднимались спорные вопросы о
 томъ или другомъ сочиненіи, издавались воспоминанія,
 любопытные документы и корреспонденціи, касав-
 шіеся XVIII вѣка. Публика приветствовала появленіе
 каждой біографіи, каждой новеллы Ламарка и за-
 нималась книгой даже въ томъ случаѣ, если она
 не представляла особенно интереснаго историческаго
 документа: довольно было уже того, что она касалась
 Вольтера или Руссо, что въ ней говорится о философ-
 скомъ вѣкѣ, — узнать ея было эрза^т сатиры обезне-
 зель.

Къ изданіямъ, въ которыхъ были собраны не только
 все извѣстныя и подлинныя сочиненія писателей, но
 и обширная ихъ переписка, слѣдуетъ присоединить
 воспоминанія и записки современниковъ о литера-
 турныхъ нравахъ XVIII столѣтія, о бытѣ философскихъ
 кружковъ, о той общественной средѣ, въ которой дѣйство-

бали болемодумца. Въ эту эпоху особенно
 многобыли воспоминаиія аббата Морелле, издавшаго
 въ 1821 г. и сообщавшаго интересныя подробности
 о парижской жизни во вторую половину XVIII вѣка,
 и получившия болемому известность между нами г.ми
 д'Эпикэ, которые при вѣсѣхъ своихъ неосознанно пред-
 ставляютъ очень характерную картину французскаго
 общества. Но гораздо наизыдаемнѣе для литературной
 исторіи XVIII вѣка другой памфлетчикъ. Во вторую
 половину XVIII столѣтія, по порученію московскихъ
 и немецкихъ дворовъ, издатель Гриммъ велъ въ Па-
 рижѣ поединную издательскую редакцію, происходив-
 шую въ мирѣ литературномъ, художественномъ и
 даже политическомъ, и заглавъ разсылалъ листки этой
 хроникѣ своимъ патронамъ. Не онъ одинъ составлялъ
 корреспонденцію: такъ какъ судя по ней, были
 изданы пера Вольтера, другіе написаны Дидро, она
 представляла въ высшей степени интересныя и
 разнородныя статьи этой эпохи, по ней можно слѣ-
 дить за перемѣнами въ самомъ общественномъ на-
 строеніи, за рожденіемъ и направленіемъ философской
 пропаганды. Въ эту Корреспонденцію Гримма и
 была издана въ 1829 г. въ первый разъ безъ пропусковъ
 и сокращеній.

(Менеръ) я не много времени занимаюсь на

и сороковых годах общезвестный интерес к великому
 социализму разума иоскопско оеуиель. Господствующице
 классы успокоилея, буржуазия была вообще довольна
 своимъ положениемъ, наслаждалась приобряженными
 благами и стремилась ниль за собой упрочить. Поворотъ
 въ этомъ настроении замеченъ послѣ 1848 г., и возъ
 съ начала пятидесятыхъ годовъ литература XVIII вѣка
 снова становится предметомъ общезвестныхъ прени,
 разсуждъ. Но въ это время озноменіе господствующи
 щихъ классовъ (буржуазии) къ произведеніямъ волюн,
 думцевъ озноменіе имъ было характеромъ, чинъ въ
 двадцатыхъ годахъ. Прогниіе поклонники XVIII вѣка,
 прегниіе консервативцы и либералы образились въ
 завязкахъ консерваторовъ, въ ярыхъ прозвнниковъ
 волюнкоислѣд. Обозревателя измѣнились. Буржуазия
 не могла бояться ни феодаловъ, ни церкви. Последн
 ніе феодалы гасло вымерли, гасло разбрелся, гасло
 буржуа были въ шире новоевропейскаго общезува
 и поднимали ея требованія. Призванія церкви
 въ данную минуту не представляли опасности: ея
 организация была снвно позрясена іосскими рещи,
 конъ. Между темъ, въ революцію 1848 г. буржуазия
 возобновила знакомство съ пролетариатомъ, услышала
 грозное гонеса стизу и задрепзала. Когда возстаніе
 было, то назывался, челирени, началась жесзкая

до сих пор и теперь значение, как весьма удачное
 изображение церковных делъ XVIII вѣка и какъ
 живописный очеркъ просвѣдительской литературы.
 Въ подвѣстии было много толковъ. Въ обществѣ
 завязывались горячіе споры по поводу какого-нибудь
 эпизода изъ XVIII столѣтія: было Каласа или Лабарра,
 оутица Навуэкаго Эдигза и ея послѣдствія — законы
Бонни между прочими вопросы, сильно занимавшие
 парижское общество въ 1755 г. Выступъ съ этимъ, го.
 сподвизающіе классы оубожили почтенному оу еффака,
 еффака успокоивалась, «дѣла» (т.е. промышленныя
 сделки, коммерческій предпріятіи) принимали благо,
 пріятный оборотъ, — и либеральныя ^{Виндгофф} замѣтки уей.
 шлись. Духовенство, бывро окрѣпшее послѣ 1748 г.,
 стало оидѣтъ вышмаз опасеній. Такими ^{образомъ} ~~было~~ по малу,
 съ конца пятидесятихъ годовъ писатели XVIII вѣка
 снова пріобрѣтають популярное, привлекають
 къ себѣ симпатіи, подвергаютъ серьезному изученію.
 Выходятъ въ свѣтъ новыя собранія писемъ, новыя
 монографіи и трактаты о дѣйствіяхъ философскаго
 вѣка. Въ теченіе шестидесятихъ годовъ литературы,
 надъ исторіей великаго столѣтія изучается весьма при-
 лезно; разрабатывается много оубожили въ
 просовъ, соображаются прекрасныя общія оуборы эпохи.
 Изученіе и обработываніе литературной исторіи вели.

411

каго сполтазія провансальскія даме до наших дней.

Какъ руководства при изученіи общесъветской и
литературной исторіи Франціи въ XVIII вѣкѣ, я реко,
мендуо вамъ слѣдующія сочиненія: Прежде всего
сообщаю вамъ законенія съ французскими литературой и
съ жизнью писателей XVIII столѣтія я снужаю нумерованно
указатъ вамъ на известную исторію литературы XVIII
вѣка Тюрнера, „Geschichte der französischen Literatur im
XVIII Jahrhundert“. Braunschweig, 1860, которая была переведена
на русскій языкъ Пискинымъ; эта книга представляетъ
очень хорошо компилицію историко-литературныхъ
даннхъ, добавивъ французскими изслѣдователями
и критиками... Далѣе я рекомендуо вамъ прево,
Ходное сочиненіе Пэна: „L'ancien régime, подвигнутое
въ концы 1875 г. Въ этой книгѣ Пэна, известномъ
своими пресмысли зрѣніями по курсурѣ и философіи,
воспользовался всеми даннхми, выработанными
новѣйшей наукой и воспроизвалъ превосходно
картину общесъветскихъ правовъ и просвѣдительскаго
движенія, но книга Пэна въ позмакомѣдѣ съ по-
вой, съ средой, въ которой развивалась литература
философскаго вѣка. Хотя очень краткій, но зѣль не
менше полезный обзоръ всеобщей исторіи литературы
(и влнхъ съ зѣль просвѣдительскаго знанія) въ наидере у Дра А. Шерра
въ „Katechismus der Allgemeinen Literaturgeschichte. Leipzig, 1876“

который тоже переведен на русский язык под загла-
 вием „А. Шерри. Всеобщая история литературы. СПб.,
 1885. — История всемирной литературы в общах очер-
 ках, биографиях, характеристиках и образцах сова-
 вие Владимира Зозова. СПб. и Москва, 1881. Здесь в
III-м томе помещена литература Франции; она со-
 сравнена по III-му, Виллему, Тусо, Сент-Беву, Таршеру и
 др.; при всех своих недочетах и ошибках, книга
 представлять довольно подробно картину француз-
 ской литературной истории. — „La Littérature Française
 au XVIIIe siècle par Paul Albert“. Paris, 1882. дает на,
 взглядом обзор от идеологии и литературного движения
 упомянутого столетия. — Несколько любопытных сви-
 детий и данных характеристике главнейших пред-
 ставителей философского течения бергманна и в
 „Geschichte der Französischen Literatur von ihren Anfängen
 bis auf die neueste Zeit. Von Eduard Engel. Leipzig, 1888. —
 Очень интересно и поучительно ^{для русского} сражение о француз-
 ской литературе XVIII столетия Александр Н. Веселов-
 ский помещать в том же издании „Всеобщая история
 литературы В. О. Корша. СПб. 1892. — Со сравнительно
 того литературного XVIII столетия можно основательно
 ознакомиться и по „История французской литературы
 Гюстава Лансона“ (Перевод со второго французского
 издания, пересмотренного и исправленного автором).

Три тома. Том I Москва, 1896-1897; том II том же 1898; том III том же 1909. Том I содержит в резвер, 701 часть семнадцатый том, том II — восемнадцатый том, а том III (или издание нового издания) — современную эпоху. Оба первые тома издания К. III. Сандаженковича, а современная эпоха — В. Боразанской. — Камуэль, но ^{пропадное} сочинение Пази де Момисвилль "Histoire de la Langue et de la Littérature française des Origines à 1900 publiée sous la direction de L. Petit de Fulleville profes, vers à la Faculté des lettres de l'université de Paris. Paris, 1896-1899. Эпоха пропадного, блестящий труд содержит всего 8 ^{томографических} томов, много ослепительные рисунки, фототипии и т. п. Я рекомендую вам еще особенно превосходную книгу А. Шахова: „Романсы и его время. Лекции по истории французской литературы XVIII века, изданные в Московском университете. Спб. 1907. Это — очень интересный очерк просветительской литературы XVIII века. Наконец указываю еще на „Очерки по истории западно-европейской литературы профессора Сторосменко. Москва, 1908 г.“

Эпоха обобщенного обзора работы по литературной истории XVIII века далеко не полная, при изложении я буду дополнять его указаниями на отдельные издательства и монографии. Сегодня мне хотелось обозначить только общее развитие знания работы в связи с новейшей

1) Русский перевод XIX века и перевод в нашей Библиографии.

историей самого французского общества. Я обратил ваше внимание на сочинения, из которых рядом с философскими - XVIII века можно было ознакомиться и с политическими - XVII столетиями, на пособие которого последнему я до сих пор не успел вам подробно указать. - Возвращаясь к XVIII столетию, вы видите, с какими увлечениями относилось само общество к предмету века к званием XVIII столетия, с какими страстями следило оно за вопросами, касавшимися века просвещения. Игорь интерес общества к литературе философского столетия свидетельствует об его глубокости и значительности значения для современного человечества и вызывает самые изумительные к его философскому размышлению.

В нашу эпоху изложение истории французской просвещения, исторической литературы с Ближайшими, как сказано непосредственно в предисловии - предисловии, - с точки зрения, которая окончательно подготовила общество к просвещению и к званием и из которых ведут свою генеалогию сами просветители. Изучая эту историю французской просвещения, исторической литературы, можно иметь в виду два порядка фактов, с которыми связано литературное движение XVIII века: во-первых, французскую литературу XVII и начала XVIII столетия и во-вторых влияние

английскихъ волноудушцевъ.

Проникновение французской просвѣты,
зеленой либерализма.

Последние годы Людовика XIV или
французская либерализма въ концѣ вѣка
Людовика XIV.

Концы XVII и начало XVIII вѣка во Франціи, т.е.
царствование Людовика XIV, далеко не такая печаль,
какъ и безплодная въ интеллектуальности отношеніи
эпоха, какъ принято ее изображать въ некоторыхъ
предписаніяхъ и даже въ некоторыхъ капитальныхъ
исследованияхъ. Въ очень многихъ сочиненіяхъ нѣм.,
немецкихъ и английскихъ историковъ послѣднее время,
т.е. эпоха Людовика XIV представляется періодомъ какого-
то фанатичаго слѣпа, какой-то умышленной анархіи и пол-
наго общенароднаго застоя. Благодаря этимъ услаждающимъ
научнымъ слѣдамъ деспотизма и мерзвостей результатовъ
правительственной опеки, которая будто бы захлестнула
всю молодую вѣтвь, придавила индивидуальность мысли,
желаній, чувствъ, либерализма и образила Францію въ
безобразную пустыню. Забыли, по крайней мѣрѣ са-
мые историковъ (во главѣ которыхъ стоитъ ^{Теннант} Бокль), ^{английский ученый} (1810—1862)
въ 1715 г., со смерти Людовика XIV, Франція вдругъ
оживаетъ, французскіе мыслители тѣмъ же въ Англію,
привозятъ оттуда просвѣдательскія идеи и передаютъ,

1) Ср. А. Шахова, Роль германскаго вѣка. стр. 12.

вздохъ нѣхъ на свою родину, гдѣ они дожилае тѣ при-
нижалося и расцухъ съ немловторной дисузой. Но
подобное воззрѣніе не можеъ выдержатъ суровой
кризики. Во-первыхъ оно прозиторногитъ основныи
правилаи исторической науки.

Если-бъ вриадъ Людовика XIV было-говоришь Шамовъ-
на саковы дѣлѣ закѣ бодно чрезвычайнымъ иже,
ресали, если-бъ на саковы дѣлѣ прекраснѣше веѣ,
кѣ цѣтѣли въ знаидѣиѣ и даже ссриозной наукѣ,
ныи замидѣи, го могла ли бы Франція вдругъ въ
XVIII вѣкѣ, веема скоро по смерти короля, омишь,
расцвѣеъ, сразу удирнуеъ въ философию, оскдлаеъ
науку и замидѣи въ умерзвенномъ озкоменіи первое
мѣеъ въ Европѣ? Возможно ли даже, гто-бъ про-
свѣдженскыи идеи, пересачетскыи Роккои тѣ
Англіи, веззанно были пандуи, усвоенны, развиты
изнеможенной, одурманенной французской на-
цией, возможно ли было бы французамъ замидѣи,
ресоварсѣи эрми идадѣи? Такыи възрѣніи не,
реривовѣи и возросденіи исторіи не знаеъ: вѣекое
новое направление въ наукѣ подготовледеъ ^{allgemein} непо-
волѣ, свѣдано съ прошедшимъ и въ своего очередь
опредѣлаеъ будущее. Безспорно, гто сценѣи циви-
лизации можеъ понижатсѣи, гто можеъ умень-
шатсѣи коллосеъво познаніи въ одичесувѣи, гто на,

чужая мысль может глотаться и уходит в поверхность,
 сди обтекает, но это делается постепенно, вследствие про-
 должительного, попутного влияния как бы-будто
 неблагоприятных условий, как было в период падения
 античного мира. Внезапное уничтожение умственной
 деятельности и чудесное ее воскресение — франки, не под-
 звергаемые историческим обычаем. Таким образом,
 хотя нельзя признать и франка интеллектуального бог,
 плодья времени Людовика XIV, сопоставив его с чл.
 европейской цивилизации непосредственно следовав-
 шей за ними эпохи. Сверх того, картина, представле-
 ная Боклемом, приводит к выводу о непостоянном
 значении, которое имели Людовика XIV с своими мн.,
 как бы своей самой на все течение умственной жизни
 во Франции: вся цивилизация тогда застыла молча,
 жалко под его холодной деспотической рукой. Вро-
 деть эта рука не была даже слишком холодна, как
 некоторые предполагают, следовательно точно упоминает
 о либеральном отношении Людовика к Молтеру. Кроме
 того, опыт-таки в истории мы не находим примеров,
 чтобы одно лицо по своей капризу создавало или раз-
 рушало цивилизацию! Вся история создается общими,
 а не односторонними силами, вздымающимися.

Во-вторых возродил Бокля опровергается франками.

Научная деятельность продолжалась и в царствование Людовика XIV

- У напр. Фрэдрик Великий

и даже привлекали къ себе многозорный и твердый со стороны общества. Не только разрабатывались отдельные вопросы знания, но можно заметить центральные и в самом философствовании, в самом методе исследования. В это время во Франции приобрело громадную популярность картезианство, которое (при всей своей недооценке) имело большое образовательное значение и немало способствовало освобождению мышления из-под геологической опеки. Но сверху до сих пор только ^{вспомогательный} ряд независимых и осознанных тисаелей, находившихся в большей или меньшей оппозиции къ существовавшим порядкам и подготовившим общество къ просветительному периоду.²⁾

Задачи оппозиционной литературы.

Къ оппозиционной литературе, т.е. къ переходной эпохе, къ порубежному периоду, обнимающему последние годы XVII и первые годы XVIII века, относятся как уже известные тисаели, как-то: Френелон, Бэля, Сен-Древмон и Фронзель,³⁾ и еще неизвестные, как-то: Вобан и Буагильберт, де Клерк и др. Это — предшественники и инициаторы XVIII века.

В кризисе старых традиционных взглядов и уже появившихся упресждений, создававшей задачу XVIII века, самым главным пунктом было разрушение

1) Littré, La science, p. 512.

2) А. Шаховъ ibid.

3) Этухъ, см. уже вразделе костюма.

Памфля и обличенье Никомы, какъ на два очага
 Эпикурейскаго скептицизма. ^{Но прелесть всего в долготы, на,}
^{какъ сказать, отъ Адама.} ~~А у насъ мы находимъ~~
~~завершилъ в Сенъ-Древмонъ (1620-1703). Передовые за рели,~~
 гнозное свободомыслие бойцы — частью католическіе, частью
 протестантскіе писатели. Ихъ основная мысль та же,
 только въ формѣ различается. Эти болѣе поверхностныя
 и болѣе замкнутыя, другіе же — болѣе философскія
 и болѣе проникновенныя. Между католиками самые
 выдающіеся Сенъ-Древмонъ и Фронзель, между протестан-
 тами — Бель и де Клеркъ.

Сенъ-Древмонъ (Charles de Saint-Denis de Saint-Denis,
 1613-1703. монт, 1613-1703) род. 1 апреля 1613 г. въ Нормандіи, былъ
 храбрымъ солдатомъ, потомъ былъ боюнаръ изъ Фран-
 цій въ 1661 г. Благодаря наморлезу прозванъ магарити,
 матеатному по случаю Туринскаго мира. Онъ
 жилъ въ Лондонѣ, съ 1664—1670 въ Тартъ, возвра-
 тился онъ въ Лондонъ и былъ поединкомъ поестъ;
 изгнана герцогини магарити со времени ея при-
 ѣзда въ Лондонъ (1675) и до самой ея смерти (1692).
 Сильно онъ умеръ уже въ 1703 г.

Сенъ-Древмонъ, это — острозубый и распуцанный
 человекъ, болѣе озадаченный своимъ естественнымъ
 склонностямъ, болѣе модный, какъ въ религіозномъ,
 такъ и въ нравственномъ вопросахъ; обладающъ
 оригинальнымъ вкусомъ Эпохи Людовика XIII и

+) В его сауров, Conversation du Maréchal d'Hoquincourt avec le père Canage одинокъ изумитъ охробоитно признается, что Янсенисты преследуютъ не ради ихъ учений о воле, но единственно ради господства въ исповѣданной. Въ Lettre au Maréchal de Suresne sur la religion оны проповѣдаютъ чуждоудельно, что самое важное

Регендерба, безъ всякой приливи него бы то ни было оу-
носаждался къ эпохѣ Людовика XIV; писалъ неброси,
никогда сдилель, усуранивъ всякую выкурносеть изъ нека,
виези къ усилитю и презензиозносети. Сенерь-Двремонтъ,
эгозъ индливый и независимый чинъ, подитививийся
догско одному изу свадскихъ приливий, - Эгозъ соитиъ,
вавийся и парадоксалский чинъ, напоитививий Монжеса
и Волгера, а иногда и Монжескисе своими разсудитиен,
или о римсково народѣ и его историкаль, - Эгозъ оу,
кровенный махеримисеть, оуэуронявий оу себя въ сурор,
оуи, когда оны долметъ былъ оуказуеся оу велье удобовъ.
субий, всякую надеиду, козорая ^{могла} небуеъ доказана, и
ууошавийся двундъ вполне реальскими вещами:
додзельносетью своего ума и кроткосетью своего шелудка. 7)

въ религии - не
втора, но благодѣ,
бниъ и обидан.
Хриезиансето,
говоритъ оны, -
чеззыймад и
политыймад
религий, позоку
то она - чи.
субиймае и пон.
итиймае право-
учение: Sur Lett
à l'Académie, réfé
rences particulières
sur la grammaire,
la rhétorique, la poé
tique et l'histoire
1746, 2e idid. 1748

Сенерь-Двремонтъ при зотъ особавъ оузначаеся, ко-
зорий могла наложитъ на него экспазриацид, какъ
бы оуэановививая его литературное развие, и индере,
суеть ^{зотсе} таясь, главными образова, своими философскими
мыслиями. Эго были охробоитный адеисеть, болтве
вторивий въ сущесетвоватие своего шелудка, невели
своей души, и велтудеувие зго болтве склонный доудав,
иддъ удобовсезвие первому, невели забодуеся о сна.
сенитъ взорой, любивий хорошо потеть изъ философ-
скаго принципа и, среди бодудевий жизни, сгизавий
вито, зрносрели и усурисеть доудзачносети принципами

для того, чтобы существовать на свободе. Она ввела также
 в свой чин и посыл любви сизаль дружбу существов,
 посыл элементаль счастья. Таких людей была целая
 группа: Сенз-Ивремонт, Микона, Лассэ (Lassau) — груп,
 на вторичных эпископейств и философов, учаслководов,
 ших дурь, аристов: XVI столетия и вольнодумцев
 обилие Ренессанса XVII века, хранивших связь свои
 традиции в период зорисства Ансенизма и изуиз,
 екаго благосудия и бывших етывими насравника,
 или невоторующих XVIII века. Мни, а еще раньше тиль
 — Пфрансуаграфией и Конде в его молодости, придвор,
 посыл в роду Кондрезора и Сенз-Ивемонт, во время
 Фронды, или Маза (Матна) и Фрондринд, нападвших
 со шпатою в руках на Пасидия с криком: „Возь
 нашу братъ!“ кавалером де Мере, путешественником
 Бернсе, стало говорившим, что воздержане оу на,
 слаидений казалое ему великим грехом, еще
 позднее Вандомани и дворова Талмиде — возь кочка
 озмываеся зо скандивское и озрияземное зегеня,
 которое подь епископского вичинского великого
 бжека послужило связью между Кондремель и Воль,
геромь; оно же указывает на неограники зого
 направлений, козоримь противнику произведений Мо,
исера и Лафронизма.

Но что могли етывать эти вольнодумцы Христи.

анской религии, какой она сложилась после семнадцати столетий непрерывного развития? Въ Тамплто, у Ван-домовъ, Эпикурейцы оштрафаны практическими карами, ромъ. Тамъ не разсуждали и не спорили, не некави, дыми казалигеской церкви, или бы думко она не давала имъ утверждать своего ша, и позволяли ей со, сподсубовавъ въ другияхъ мезахъ. Тамъ наслаждались млодобью, виномъ, игромъ, снхоломи и не зредовали ничего лучшаго.

Друзья Никомы и Семъ-Звремона были серьезные. Умеренная задержка интересовали ихъ больше, хотя бы думко, по поводу, что въ ту эпоху, когда эти Эпикурейцы раз, сказывають тамъ о себѣ, они уже находились на склонахъ млодъ и принуждены зрѣвшихъ преимущественно во, браснетелъ и дзыкомъ. Ужамъ, они разсуждають, из, слѣдують, высказывають принципы, но все это въ видѣ забавы, для препровождения времени, безъ поелтдова, зельности и метода, не задавався изысканми пропаганды. Эти люди также не были особенно озрашны съ ихъ легко, воемисли и озравогнвими насмѣшками, съ ихъ разго, ворами вокругъ камня, съ ихъ пикамъной перениской, создававшей развлеченіе уше заранне обращенныхъ людей. Безпорядочное соимыіе монузья не нанесло досаждочно системныхъ ударовъ крѣпко сплоченныхъ церковныхъ догматамъ; оно не было въ союзѣмъ раз,

схронитъ нѣ въ рѣдкѣ и опрокинутъ нѣ. Кроме того, для того
 этого внесли послѣдовательное въ аргументъ и обладающаго
 знаніемъ народа, нисколько была научная любовь къ исти-
 нѣ и душевная преданность разуму, котораго нѣ
 недоездало эзими пресвященныя святоземныя мѣ-
 дѣны. Преданность истины была внесена въ это дело
 побужденныя и сдержанныя Францезеллема, а крики,
 рескій методъ — ученныя и солидныя Бэйлема.

Первое мѣсто между эзими писателями занимающаго,
 несомненно, Бэйлема. Мѣсто сначала основанное на
 мѣсто, котораго можно назвать прямыми и непосред-
 ственными предметами французскихъ свобод-
 ныхъ мыслителей XVIII вѣка. „Бэйлема“, нисколько Фри-
 риха Великаго въ одномъ мѣсто къ Вольтеру, на-
 галь Бордбу съ предразсудкомъ, за нисколько послѣдовало
 много англичанъ; вѣне призываніе — окончить эту
 Бордбу. Фридрихъ Великаго совершенно вѣрно опре-
 дѣлили эзи мѣсто нисколько исторической предметности.

(Выразить нѣ уже кончили этого писателя въ
 число прозаиковъ XVII столѣтія. Теперь будемъ о немъ
 1647—1706. рѣчь подробнѣе.) — Пьерръ Бэйлема родился (въ 1647г.) въ Фран-
 цузскій Фра, въ диалогической семьѣ кальвинистовъ. Съ детства по-
 чувствовалъ отъ сильную склонность къ умственнымъ
 занятиямъ, а въ девятнадцатилѣтнемъ вѣкѣ вѣне въ
 болѣе, преимущественно мѣсто нисколько исторической

разнообразных книг. Съ особенными интересами ^{онъ}
 относитъ къ религиознымъ предметамъ, которыхъ въ то
 время были сильно распространены во Франціи. Тос.
 подстрекающая церковь во всю пополю XVII столѣтія
 принуждена была бороться съ враждебными ей мущес.
 великими учениями, которыхъ дѣла охотнѣе подрывали
 ея нравственнаго владычества надъ умомъ, ея кредо
 въ глазахъ населенія. Съ одной стороны, ей приходилось
 защищаться отъ возрастающаго вліянія просвѣщенства,
 съ другой — предупреждать развитіе Яansenизма. Для
 поддержанія своего авторитета она поспѣшно прибѣ-
 гала къ государственной власти: пускается въ ходъ
 насильственная борьба, преслѣдовали Яansenитовъ, об-
 рацали просвѣщенство при посредствѣ пресловутаго
 военнаго ^{послѣдствѣ} (драгонады); но уже не то было
 время, чтобъ можно было искоренить распростра-
 нившіяся ереси и возраженія католической церкви
 ея предиктою мощь и единство. Духъ непокорства
 господствовавшими традиціями и суровости къ не-
 вѣстному изслѣдованію, развивавшіяся въ ученіе нѣ-
 сколько столѣтій, наконецъ открыли, что назло
 всѣмъ преслѣдованіямъ, продолжали подниматься съ
 римскимъ второваніемъ и приобретали все болѣе и болѣе
 новыя послѣдователи. Витязь съ злымъ и религиоз-
 нымъ преслѣдованіемъ стали вызывать въ общество недовольство

и прозесяцій. Прошла за блаженнаѣ пора, когда можно было спокойно сдирать съ лица земли злое, нѣтъ еретиковъ; невозможно было вернуться къ вѣску Амбигонцевъ и Миконензія III...

Тэйлѣ выросъ среди этой атмосферы религиознаго спора, преслѣдованій, прозесяцій. Въ Штутгартѣ, гдѣ онъ окончивалъ свое образованіе, онъ сдѣлался съ нѣсколькими издучами, которые загоняли Тэйлѣ ді, алекзиской и убѣдили въ превосходствѣ католицизма. Тэйлѣ, слѣдуя внутреннею своимъ измѣнившимся убѣжденіямъ, перешелъ въ католическую вѣру. Это обращеніе было глупо и искренно, онъ сдѣлался ревност. нѣтъ католикомъ и сжалъ даже склонить своего брата къ примѣзю католицизма. До насъ сохранилось его письмо къ брату, въ которомъ онъ говоритъ о пауд. нѣтъ религиознаго повисебавѣ, о невозможности для одѣлтнаго лица, пошло католической церкви, досизнуть неединнаго религиознаго познанія, о гор. доси, упрямствѣ и непокорствѣ осклонившихся отъ единнаго неединнаго ученія. Эта ревностъ въ Тэйлѣ вѣко. рѣ осыла. Въ очень короткое время къ нему вер. нулся сомнѣнія, и уже черезъ полтора года мы за. сжалъ его осклонившихся отъ католицизма и возвратив. шихся къ кальвинизму. После этой внутренней борьбы бы религиозное одумевленіе Тэйлѣ въ значительной

степени ослабело. Оно изучило сильную и слабую сторону, но обоимъ въроисповѣданій, освоилась съ доводами какъ протестантскаго, такъ и католическаго въроученія и мало по малу вовсе перестала интересоваться Хизро, срднми догматикми. Оно все болше и болше сранилось на точку зрѣнія мыслителя, котораго одинаково свобод, но, спокойно и равнодушно относился ко всему комо, иудейскому религіозному сужденію и не признавал ни одного догмата извѣстныхъ оубъ кристическаго обскуде, ній. Бэйль усердно предавался изученію философовъ, соби, знавша со многими ученіями того времени и запасавша громадной Эрудіціей. Въ 1675 года онъ занялъ кафедру философіи въ Седанѣ, а затѣмъ перешелъ на такую же кафедру въ Роттердамѣ. Въ томъ же году Бэйль штилъ пре, мундесрвенно въ Толландіи, гдѣ онъ и печаталъ свои ученые и литературные труды, гдѣ и умеръ удивой на, взгодами и зданкиль трудомъ 28 декабря 1706 года. X

Первое его сочиненіе было написано по поводу ко, мезы, напугавшей въ 1680 году жителей Франціи. Ма нее смозрели, какъ на предзнаменованіе великихъ бѣдъ, которе каидвнъ толковали по своему: одни видѣли въ ней пророцество близкаго паденія Людовика XIV, другіе смужали ее предвѣстницею новыхъ войнъ, про, жесчанзи усматривали въ ея повлеченіи угрозу Провидѣнія преслѣдованіяль - католикамъ, католики толковали ее,

какъ предохраненіе сродискаль-прозедаицаишь. По по-
 воду этой кометы Бэйль написалъ свои „Размышленія“
 или трактатъ, Размышленія мысли о кометѣ (Pensées
diverses sur les comètes, ^{La comète} 1681 года). Онъ указывалъ на
 ложь и праздношь всевозможныхъ символическихъ
 толкованій кометы и въдвигъ суетворіе нехотливка
 пуникомъ своего зракраза, перешель ко множеству
 другихъ вопросовъ, касавшихся значенія и общесрвен-
 ной роли религиозныхъ мнѣній. Здѣсь между про-
 зиль, онъ доказывалъ гипотезу о возможности го,
сударства аженцовъ, гипотезу, которая вызвала въ то
 время и вызвала въ ذهنіе всего XVIII вѣка множество
 препираиельствъ. Бэйль утверждалъ, что аженцы въ мо,
 ральномъ отношеніи никакъ не хуже людей вѣрнью,
 щиль, что государство аженцовъ можетъ спокойно суще-
 ствовать и совѣтовать въ себѣ множество добродѣтель-
 ныхъ членовъ. Въ законѣ государства будуща сабра,
 немъ все приимъ и все условия общеснания: будущъ
 зогно законъ наказывать презупленія, будущъ суще-
 ствовать губелья гесри и срида, сричиль одобренія и
 порицанія; члены его могутъ быть вполнѣ гесри во-
 взаимныхъ отношеній, сурогъ въ соблюденіи вѣ-
 нныхъ обязаиельствъ, великодушны, соудраделенны
 и прог. Потому что посылки членовка, говоритъ Бэйль,
 опредѣляются не какой-нибудь попозимельной религіозъ,

ной сущей, а с одной стороны естественности влеченіи,
 Ями и сурасфами, с другой — разумности, которая всегда
 и охраняется Верховными регуляторами морали. Тэйт
 указывает на многих философов древности, на Эпику,
 ра, (Диалог), Ксенократа, которые были свободны от всякой
 полонизированной религиозности ворований и знали не
 только, во поведении своем, являлись образцами мора,
 ли. Аземежи, говорит Тэйт, необходимо должны сообра,
 зоваться с требованиями разума, с законами логики,
 а потому они могут быть так же нравственны, как
 и вторые. ... Я привожу только мнение Тэита и
 не потому (как и Шахов) во расхождении зого, насколько
 оно неумно или логично. Это не входит здесь во мою
 задачу. Мерориты указывают на подтверждающую докумен,
 ту и одобряют условия ея подвешенія. Въ данном
 случае, гипотеза о возможности государства
 безъ всякой полонизированной религии характерна
 для насъ, какъ признакъ времени. Подвешеніе такой
 теории предполагаетъ непременно равнодушіе къ
 полонизированной религиозности: ибо пере,
 едаль снудать необходимые условия для существо,
 ванія общества; мало зого: поставили мораль незави,
 симо отъ полонизированной ворований, ее выводили
 изъ требований нашего разума, а не изъ постановленій
 церкви.

при главнѣйш
 предвѣстн
 человеческого
 духа, это — рел
 гия, наука и ис
 кусство. въ
 древности, въ Греции — искусство
 въ средніе вѣка — религия,
 въ XVI в. во Франціи — философия
 наука

1) по А. Шахову тамъ же стр. 16.

После первого литературного опыта о Кометах (sur les comètes), Бэйль сделал выпуски одно за другим сочинений больше или меньше полемического характера. Они составлены проповеднически одной великой идеей, которая в течение всего XVIII столетия была моднейшею движущею просветительской литературой — идеей религиозной зернизости. Сочинение, в котором Бэйль с наибольшею настойчивостью и ревностью провел свои воззрения на второзернистой, носило заглавие: „Философский комментарий на слова Ж. Криеза: compelle intrare (убоди внизу) или трактат о всемирной второзернистой“ (Commentaire philosophique sur les Paroles: Contrains-les d'entrer). „Какой вывод можно сделать о Криезианстве, судя по таким насильствам?“ спрашивает Бэйль: „не подумайте ли, что это кровоснаде, как религия, потому что для поддержки себя она при Бога не только к обману, ложным клятвам, но к драгонам, палачам и инквизиции?“ Это сочинение вышло в 1686 году, следовательно год спустя после издания Мануэского эдикта.

Мы уже слышали о преследованиях, которым подвергались проузранцы во время царствования Людовика XIV. В 1685 году проузранцский кумач был без условно запрещен во Франции, все пасторы изгнаны из Франции под страхом смертной казни,

Духовенство прокураторов приказано было возмущивать в
 католичестве, должно служить мизантропам — глемам пар-
 ламенту, адвокатам — вытеснено было в обязанность
 приходить католичеству. Масштабам обращения
 прижили еще более широкие размеры. Католическое
 духовенство оправдывало своего дядюшечного по образцу,
 что прокураторов ссылали на блаженного Аввакума,
 на, который, как известно, видан в евангельском
 законе убоги внизу доказательство в пользу насиль-
 ственного обращения еретиков. Прорыв этой теории
 насильственного обращения Бэйли и ополчился в сво-
 ем сочинении. Книга эта, дотоле неизвестно, написана
 мастерски: до мелочей разобрана вся аргументация
 Аввакума, предупреждены самые худшие доводы его по,
 следователей, и все изложение озвучено необходимо,
 венной убедительностью, искренностью и энергией.

Бэйли исходил из ^{того} положения, что буквальный смысл
 слова: убоги внизу не согласен с основными принци-
 пами нашего естественного познания (супрестиматива),
 а потому оно ложно. Возьмем как разведать от это
 положение. Существующая естественная аксиома, говорит
 Бэйли, над козорыми не властен никакой закон, ни,
 какое постановление церкви, — закон аксиомы, какой-то,
 кое больше своей части; два величина, равная пороку
зреться, — равны между собой; не делай другим того, чего

не желает, чтобъ думали ребѣ; не нарушай своихъ
 обязательствъ и проч. Если бы намъ привели цѣлую со-
 ню законовъ прозвѣвъ такого рода аксіомы, если бы со-
 вершили гонимы гудеев для того, чтобъ утвердился какое-
 нибудь ученіе, прокуиворотащее зрѣнь аксіомаль, —
 мы бы все-таки не могли указатьсь зрѣ нашихъ есе-
 сственныхъ понудій и не могли бы прииде зрѣго
 ученія. Ни гудеса, ни церковь, ни писаніе не въ си,
 лавъ сопротивляеся основаніямъ зредованія намъ
 разума. Знаишь слѣдучеъ признае, что намъ есе-
 сственъ разумъ и есе зоръ верховный зридуналь, которій
 обдунаеся долю въ послѣдней инстанціи и безапелл,
 ціонно. Поэтому, продолчаеъ бѣиль, нечего утверждае,
 что геология — царица, а философія зольско ея слушанка;
 сами геологи, на практикѣ, должные признае образное,
 з.с. философію царицей, а геологию слушанкой. Тогда
 геологи говорятъ, что намъ есе-сственное познаніе обна,
 мываеся насъ, что разумъ намъ исполненъ заблуде,
 ній и иллюзіи, что слѣдучеъ дернаеся интонія церкви,
 зо зрѣнь сакальы оти все-таки невольню признае
 силу сурденія. Поэтому что зоръ, которій предпочлаеся
 своему естественному интонію голоеъ церкви, длаеся
 зро предпочтеніе на основаніи умозаключеній...
 Мзакъ, замчачаеъ бѣиль, намъ здоровій смыслъ, на,
 те есе-сственное разуманіе озаеся нашими верховными

и по новой философии
 отъ независимости
 другъ отъ друга, ф-
 мнѣи даеся естество
 философіи, з.с. наука
 даеся намъ есе-с-
 естество познаніе,
 а религія — емію,
 зрѣнь естество (познаніе)
 Но въ зрѣ время не
 бѣиль зредованія
 способности позна-
 нія человеческого
 духа (поиски еіе,
 гудево и интонія,
 коаръ-кнотузі).

Французская теория литературы XVIII в.

критерием во всяком вопросе. Если какой-нибудь догма или произвольная предвзятость нашего века, нация, или закон и не может быть нами принята.

Из этого общего рассуждения Тэйлор переходит к закону: Compelle intrare (убоди внутри). Буквальным смыслом этого закона, говорит он, произвольная основа, или принцип нашего разума; следовательно он законен. Какие же именно эти принципы, которые произвольные означенное изречение — compelle intrare? Тэйлор рассуждает так. Сущность религии, говорит он, заключается в нашей сущности о божестве и в том, чтобы уважать уважения, страха, любви, который мы к нему питаем. Это внушение божьего почитания выражается во внешних знаках в церквях божества, в коленах, преклонениях, жертвах и проч. Но, очевидно, это одни внешние знаки у человека, который не может быть внушением религиозного расположения, не создавая никакого религиозного акта. Для того, чтобы внушить человеку некий вид религиозной предвзятости и уважения, следовательно произвести в его душе извещное расположение относительно божества, сообщать его или извещной похвалой о божестве. Ни хвала, ни похвала такого рода не могут быть созданы в душе угрозами, земными наказаниями, наказаниями и вообще принуждением.

Следовательно, насильственное обращение ложно, буква,
 мой смысл закона не создается, и Христова раз-
 умиль под ним не до, что ему приписывают Ав-
 густины и его последователи. Сущность религиозных
 войн заключается в извращенных убеждениях;¹⁾
 убеждения не могут быть навязываемы силой; следовательно,
 насильственное обращение к извращенным
 убеждениям есть дело, которое во всем разро-
 сь здоровый смысл, с нашими естественными раз-
 умениями. —

Теперь переходим к другим аргументам и нахо-
 дим, что даже эти законы противоречат основным
 моральным понятиям, несогласны с духом са-
 мого Евангелия, который вполне соответствует этим
 моральным понятиям, — это законы Эдварда развязывают
 руки самому уснастому произволу и самой вои-
 стей несправедливости, потому что разрушают, по
 отношению к ережикам, всякий моральный обяза-
 тельства. Теперь очень подробно разбирается весь по-
 следствия приложений грозного закона и недвоякого
 учения Августина. Он указывает и на то, что на
 основании подобного учения ережика в свое очередь
 накладывают в полном праве упреждать насиль-
 ственная меры против христиан, что оно может
 внести в государство стылена срашительных раздоров,

и да пожелают при-
 вить: не только без
 чуждого смысла, но и
 в убеждениях и уста-
 новках поведения

опущенности распрей и неурядице.

За всеми выводами Тэйла я следила здешне не могу. Но нахожу важным собственно его исходный пункт, его обязанность зрелища. Вся аргументация построена на слитии факта с предвзвешенным естественного разумения. Поезжановления церкви признаются подвешиваются только свободной проверке и не имеют, сами по себе, никакой обязательной силы и неприкосновенности. Из результатов оказывается, что религиозная непереносимость несогласна с предвзвешенным разумом и приводит общество к разрушению.

Это учение о вероисповедности, которое во Франции было поддано Тэйлу, которое во Англии уже с половины XVII века возмущало многих писателями, предсказывало поучительный признак времени. Уже сам вопрос о справедливости отношения к ережикам мог быть поставлен только в эпоху ослабления религиозных догматических предсказаний. В цезаризмский период средневековой церкви никто не задумывался надъ этой вероисповедности, никто не сомневался в пользе насильственного обращения, а еще и еще — изредка ережиков. Вероисповедность средневековой церкви совершенна, но последовательно вытекала изъ всякого средневекового понятия, и потому было каренное изменение в этих понятиях, тогда посмотрев на дело с точки

зрѣній Тэалла. Спасеніе человека возможно только въ
 лонѣ единой истинной католической церкви — таково
 было общепризнанное ученіе въ средніе вѣка. Эре-
 зисъ, лицо отступившее отъ постановлений церкви,
 выходящій изъ ея среды, считался величайшимъ
 преступникомъ. Это мнѣніе оскорбляло общество,
 приносило заразу въ благочестивое христіанское
 общество, распространяли дьявольскій смрадъ на все
 окружающее. Поэтому-то изречение еретиковъ въ
 догматъ зрѣній католическихъ догматовъ было совер-
 шенно логично и послѣдовательно. Они исходятъ
 изъ вѣрованій, что спасеніе приобретается въ одной
 только церкви, что еретики подрываютъ авторитетъ
 церкви и заражаютъ общество, слѣдовательно, мѣша-
 ютъ дѣлу спасенія; отсюда — необходимое огражденіе
 христіанское общество отъ его враговъ. Пріемле — ис-
 зредлять враговъ, мѣшающихъ возможности прино-
 сить вредъ — уже вполне послѣдовательно вытекало
 изъ предыдущаго: оно было поведено наfootъ мо-
 живъ, который во все времена и у всехъ народовъ
 управляется какъ газной, такъ и общезвѣстной
 жизнью, наfootъ самосохраненія. Иеръ Линей,
 говорившій объ еретикахъ: *Elementia non hic locus:*
me, seca; ut memvorum potius aliquod quam totum
corpus intereat (многое здѣсь не у мѣста: или, отъскаивъ,

чтобы лучше какой-либо изъ членовъ, тѣмъ все стало по,
 шло)"; было совершенно правъ съ средневѣковой точки
 зрѣнія: лучше пусть погибнетъ одинъ зараженный
 членъ, чѣмъ все стало. Для того, чтобы инае, инае,
 снисходительные относились къ ережикамъ, нужно
 было переждать видяща въ нихъ враговъ одиозства;
 а для этого нужно было усомниться въ второбаніи,
 что спасеніе приоброаается въ одной зомско церкви,
 нужно было усомниться въ вазимости догматическихъ
 разногласій. Такимъ образомъ, по тѣрты того, какъ
 ослаблялся въ одиозствѣ интересъ къ догматическимъ
 предзабвеніямъ, по тѣрты того какъ разрушалось
 средневѣковое второбаніе, издредленія ережиковъ
 сзаконялся раше. Религія переааетъ быть господству,
 коцимъ началомъ; дало религіи написаноръ оудалде
 оу дѣль государства, государственные интересы негдако
 сзаконялся въ разрты съ религиознымъ. Это было
 невозможно въ средніе вѣка, когда все общество было
 тѣсно сзвдано церковно, когда религиозный второба,
 ній были въ то же время государственными законами,
 когда религія властвовала надъ политикой.

Но мало по малу стало перемѣняться. Урае въ XVII
 столетіи все болѣе и болѣе распроаудилоея такого
 рода мнѣнія: можно быть диссидентомъ, придерши,
 вазея иной религіи, чѣмъ государственная, и быть

хорошими гражданами; человек, какого ^{бы} бы не
 бы не вероисповедания, может быть полезным
 членом общества; правитель не вмешивается в
 религиозную дилемму, если они не нарушают обществен-
 ного порядка. Английские философы, Локк, в своих
 сочинениях постоянно говорят о вероисповедании
 постоянно говорят о зове или другом обряде, о зове
 или другом догмате, как о предметах безразличия,
 лишь для блага государства (indifferent and trivial
 circumstances, и т. п.). Тенения на ережиков поведении,
 но ослабляли, отношения к различным вероиспове-
 тениям смягчались, вероисповедание все больше и больше
 распространяется ввиду его поведенческих разви-
 тий в обществе религиозного индифференцизма.
 Вероисповедание и индифференцизм тесно связаны друг
 с другом и друг друга обуславливают. Это всегда очень
 хорошо понимали последователи реформации, в том
 числе религиозные борцы и проповедники. Они прямо ука-
 зывали на религиозный скептицизм и индифферен-
 цизм, как на плодотворные вероисповедания. Одним
 из закоренелых казачиков прошлого века, де-
 ффаллу, совершенно верно заметили: „религиозная
 вероисповедание была неизвестна в эпоху вавилонян, и евреев,
 которое выражено было словом, может быть
 отнесено к добродетельным зовам в бытность“.”

1) См. у Шахова.

Для того, чтобы сража на зоркую зрания Бэйля, этого
 действительного глашатая всецелостней религиозной
 любви и жертвенности, нужно было поединать религиоз-
 ный миссия в ряды и на равных правах с други-
 ми теловещескими воззрениями и поидриями; нужно
 было с одной стороны снять ореол, лишитъ преиму-
 щественнаго значенія казоницизма, с другой — при-
 знать за ересью характеръ самопроизвольныхъ доктринахъ,
 козорая сложилась не подъ влиятель однихъ доев,
 елихъ наущеній, но естественнао вырелась изъ еррел-
 ченія раздленнаго себя и оудаче оужетъ въ извещенныхъ
 вопросахъ.

Къ идею о религиозной жертвенности Бэйль поеходит,
 но возвращаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, напр., и въ
 сраженіи: «Ce que c'est la France toute catholique sous Louis
 le Grand» и др. Это за практическая задача, козорую онъ
 раздленаетъ съ особенной ревностю, козорую онъ неч,
 зотило преследуетъ въ зеченіе всей своей жизни. Въ
 этомъ отношеніи, онъ — первый просвотитель, прямой
 предшественникъ Вольтера и Энциклопедистовъ. По
 его словамъ пошли позднѣйшіе вольнодумцы XVIII в.
 и продолжали проповѣдовать религиозную свободу. Но,
 слѣдствіи, мы увидимъ, что они оуливались оъ Бэйля
 въ своихъ писаніяхъ и въ своей аргументаціи. — Теперь
 перейдемъ къ послѣднему главнѣйшему сочиненію

Тэйт, имевшему также громадное влияние на по-
слыдующую литературу и также представляющему
характеристический наглядный пример высшего соеди-
ния конца XVII и начала XVIII века, кь его Словарю.

Dictionnaire historique et critique (Исторический
и критический Словарь) Тэйт вышло в Роттердаме
в 1697 г. и значительное количество охлокровов ох его полемиче-
ские трактатов. Здесь онъ является не талантливым
проповедникомъ и глашатаемъ гераниковски, не бойкимъ
литераторомъ, разбирающимъ современные вопросы,
а чуждымъ критикомъ, вооруженнымъ громадной
эрудицией, который ставитъ себе задачей перебрать по
нижнему, повторить до мелочныхъ деталей, разобрать
до совершенства ^{каждый вопрос} всю энциклопедическую мате-
риалу, массу философскихъ, геологическихъ и архео-
логическихъ предразсудковъ и традиций, унаследо-
ванныхъ ох сарински. Въ этомъ словаре продвину-
лся за всеобъемлющая ^{формализация} критика, на которую в
упре указывалъ, говоря охъ общей характеристике, об-
щамъ геранику XVIII столетия, — за суровую кь критическо-
му разбору, кь раскрытию заблуждений, которую мы
найдемъ въ большей или меньшей степени у вставы
просветителей.

По первоначальному плану Тэйт хотамъ соека,
выдти исторический и критический словарь, въ которомъ

были бы собраны и обобщены все ошутки, погрешности,
 заблуждения и пробелы, встречающиеся во многих
 сочинениях энциклопедических сочинениях. Это была
 бы пробная камнем для всех прочих книг. Но
 Тэйлор вскоре увидев, что такого рода труд не соот-
 ветствует вкусу публики, которая не могла бы уловить,
 сдобавясь сухими переносом и разбором всяких
 ошибок и погрешностей. Поэтому он изменил свой
 план и стал составлять книгу по другой программе.
 Он разделил содержание на два отдела: в одном
историческом автор приводит голые факты, касаю-
 щиеся жизни и сочинений того и другого лица: в д
ругом критическом, который собственно играет главную
 роль в сочинении, он пытается обширнее при-
 ступить к подметкам и приведениям фактов.
 В критическом отделе разсматривается характер
 жизни, приведенных в текст, анализируясь не воз-
 зражая, и по поводу того или другого факта соверша-
 ются самые разнообразные экскурсы в области гео-
 логии, философии или морали. При этом главной за-
 дачей автора является разрушение сложившихся мнени-
 й, предубеждений и предрассудков. Увлеченной критической
 работой, Тэйлор с напастиванием раскрывает не-
 только то или другое воззрение, указывает на
 вытекающие из него противоречия в той или другой теории, -

и задумать его своей стороны не представляла возможным, какого бы то ни было вопроса, который он бы разбирал; сам же он не воздвигает новой теории и новой системы. Событием же говоря, он и не был писателем и учие ни в каком случае не мог быть назван художником, коим. Он также неспособен был что-нибудь сочинить, как и Локк. Его Dictionnaire historique et critique представляет массу примечаний, сделанных по поводу ошибок или пропусков в других словарях, а именно в словаре Морери. Эти примечания, ценные французскими, латинскими и греческими цитатами, занимают вдесять раз больше места, нежели текст; в них находят сведения по истории, географии, литературе, филологии и философии, выведены с довольно большим искусством, формы, как говорили автор, требовались книгопродавцу, чтобы обеспечить продажу книги, но самое большое место занимают в них истории религии и психология. Он имел владеть какой-то франц. язык кризиса, ему только и хотелось, только и думалось — открывать и разбивать заблуждения. Такова обличья характера. Словаря". Он не имел нечего сказать какой-нибудь суровой и законченной системы воззрений, какой-нибудь определенной, установленнейшей философской доктрины." У него не было никакой

1) В 1737 г. после его смерти издавались его лекции по философии, выданные в Седане и Вандердаме "Systeme de philosophie" — не что иное, только вкратце и кратко изложение аксиомы Декарта.

своей доктрины, и отъ избегалъ построений какихъ ни,
 будь теорій. Это мѣлодъ соединялъ въ зовѣ, тогда предъста,
 была все доводи за и прозубъ общепринятыхъ мнѣній.
 Если доводи прозубъ оказывались сильныя и если послѣ
 прочтенія его книги гугагелъ склонялся въ пользу
 ерезииковъ, то это была не вина автора. Онъ особенно
 оштрафовалъ цѣлительна въставилъ на видѣ, что оштрафованъ
 мнѣній были зацужены и что въ сущности они были
 не болѣе несомнѣтельны, нежели мнѣній, одержавшихъ
 побѣду. Ему трудно было не дасть затѣвуть своего рас,
 положенія къ манихейству, въ козоровъ отъ него,
 дѣла много вѣрнато." Но въ обществѣ ^{тѣмъ} были свобода,
 дѣла отъ всякихъ религіозныхъ или философскихъ
 предвзятыхъ мнѣній. Онъ училъ не принимать ничего
 на вѣру и воздерживался отъ сужденій. Это положилъ,
 зельное ученіе заключалось въ независимости къ мозер,
тѣмъ и люди къ миру: для него не существова,
 но насчетъко дозрительныхъ чертъ, тогда изъ-за нихъ
 сродило издѣваетъ другъ друга. Человѣкъ, по его мнѣнію,
 не нуждался въ зовѣ, тогда ему дозривали для злого
 повода: онъ и самъ по себѣ дозрительно свирѣлое и
 непокорное шивотное. X

Это — кризика, полка оштрафованныхъ традицій, ученій
 и взглядовъ, — и какъ такая предварительная кризическая
 работа, словарь Тодиль мнѣній болѣе значеніе для позд.

У манихейство — ученіе персидскаго эрезиика манеса или мани, жившаго
 въ III столѣтіи и предполагавшаго дѣла дозрительныхъ существо, добраго
 и злого.

новейших просветителей. Она стала настоящей книгой французских вольнодумцев XVIII века. Из него они производно черпали материал для своих кризисских походов, так же они находили припасенное оружие для борьбы с средневековыми преданиями. В похвалу сражался «Словарь» — указывал на знаменитый article David — уже вышеупомянутой моды — новые кризисские приемы и маневры Вольтера...

Dictionnaire historique et critique Гэйля было одним из важнейших книг XVIII столетия; это воистину — труд Вольтера, Фридриха Великого и всех невосторговцев; это было складочным магазином почти всей философии, исторической, филологической и богословской эрудиции, которой вооружались философы против католической церкви и религии. Это оказывалось только в Спарте орудием подходящее оружие и затем орудием и омонировать его. Из недобоварного, сильного и обильного по количеству сырья, которое доставляло Гэйлю, они приговаривали то, что называлось тогда «горячими берлинскими пирогами», говорили Лансонь, из огромных, выщипанных сфрагматом, так же они выкраивали небольшие, удобные для обращения и занимательные книжки, извешивая статьи.

Все, что заключалось в произведении геологов, превращавшихся в зерен популора столетия, такого,

что могло содействовать разрушению религии, было собрано вместе в сочинениях Тьерра Бэйля, а особенно в его Мороринском и кризисском Словаре. Это были гезель и евангельский чин, спорные волтуевый, несли муринный невозможностью узнать историю. Умная мануэка эдикта выдвинула его из Франции; в Родендалье спиритный Морсе предлагал его: его книги подвергались осуждению, и у него была кафедра. Впрочем, в этой непокойной душе и в этой бурной жизни не было ничего драматического. Бэйль представлял собой оригинальную фигуру сгармонизованного: мирного нрава, добрый, веселый, лирический философ и равнодушный к литературной славе, он записался в своею кавинеру и никогда не считал себя несчастливцем, если только ночь читать, писать и свои Богу передавать свои сочинения. Он работал прилежно и неустанно; в этом заключалась вся его жизнь и вся его радость.

В предисловии к "Словарю" говорит он: "Развлечение, parties de plaisir, игры, угощения, походы в деревню, визиты и разные другие удовольствия, конечно, дитя, но их слова, для многих чуждых, — не в моих привычках: я советую не думать на это времени. Я советую не думать его также на домашний заботы, на домохозяйства того-да то ни было, на просьбы и

многих и ни на какой другой дала. Къ счастью я осво-
бодился отъ многихъ занятий, которыхъ вовсе не были
бы пригодно для меня — и я обладаю самыми богами
и самыми староважельными доуговья, какими только
можно обладать умной. — Пьерръ Бэйль обладает быль,
мой эрудицией и кризисескими чувствами; отъ некаль
нежны съ спокойной и твердой любовью, носившей
скорое характеръ долга, несли сурового чувства.

Несмотря на то, что сочинения Пьерра Бэйля были
по большей части запрещены во Франции, они проникали
во французское общество и распространялись въ разны,
образныхъ кружкахъ. Слово Бэйль въ особенномъ
ходу и сталося одной изъ модныхъ книгъ образо-
ванныхъ людей того времени. Въ Париже начала
XVIII столетия мы замечаемъ уже ревностныхъ Бэйли-
стовъ, усердно читающихъ и при слугахъ пропаганды,
французскихъ сочинений сурового кризиса. Но особен-
ную популярность, Дикционарне Бэйля приобрели
во время регенства. Этому успели охотиться, между
прочими, датскими путешественниками, известными
литераторами Тольбергомъ (1684 —), посетившимъ Па-
рижъ въ 1716 году. Для того, чтобы получить сочинения
Бэйля въ публичной библиотеке, разказываешь знамен-
итый ученый ^{профессоръ} и поэтъ (Тольбергъ), ученико было засти-
раться съ учра и врываться въ залу лишь только его.

рели: знаменитый "Словарь" выдавали первому просителю. Задача, в двадцатых годах XVIII столетия, книга эта считалась даже предметом коммерческих операций: одним Буржевой спекулянт, надеясь поправить свои дела, выписал из Голландии итальян франкоязык Бэйлева "Словарь" для того, чтобы выдать его в Париже. ¹⁾ Сочинитель этого "Словаря" был не только выдающимся глашатаем всеобщей религиозной любви и терпимости, но он был и славный французский натуралист, в которой неутомимо рылись все те, догадливые вопросы человекознания.

Отец Пьерра Бэйлея словесник перешел из Французского королевского университета принадлежность переходной эпохи и славился XVII столетия с восточным просвещением. Bernard 1657-1757. Le Bovier, sieur de Fontenelle был самым адвокатом в Руанском парламенте и Марки Корнель, сестры великого французского автора "Сидя". Он родился в Руане 11 февраля 1657 г.; воспитывался в иезуитской коллегии родного города и изучался порядочным учеником, но не в логике, которая была тогда для него непонятна, и о которой он отказался собственноручно. Отец назначил сына в адвоката, и Французский, похулив в это звание, взял защитить одно дело, но проиграл его, отчего возмешавший эту должность, и сделал замять, сд мизерабурно, отправился в Париж, к дяде своему,

¹⁾ Сп. Sainte-Beuve, Nouv. Lundis, t. IX (art. Mathieu Marais). — Сраб. и А. Шахова стр. 24.

Опера Корнелью, издававшиму тогда вильези съ Визе, Изданаго Меркурия (Mercure Galant). Дядя присоединилъ Франзенелю къ этой работѣ, а законче къ участию въ сочиненіи двухъ оперъ. Слава Корнелия (Пьерра) ослышавъ на молодого человека и отецъ принялъ писаря зрале, дію „Аспархъ“. Она была предсказана въ 1680 году, но узнала зоросезветно. Въ первое время пребыванія въ Парижѣ, Франзенелю подружился съ аббатами де Сенж-Пьеромъ, историкомъ Верзо и мажестатикомъ Варинь, ономъ. Все они были молоды, веселы, ирихуно про, водили время. Вскорѣ началась знаменитая борьба между древними и современниками, и Франзенелю въ ней участие съ Пьерро и Лапозье-Тударомъ, сродъ за современниковъ, прозивъ Буало и Расина, козю, ройю поддерживала г-жа Дасе.

Франзенелю не хорошо зналъ древности и называлъ Дехила безумцемъ, у котораго воображеніе не въ порядкѣ, поэтому что въ его „Прометее“ нтъ ни сюжета, ни оти, снній, а только поэтическое увлеченіе. Это касаясь до Эврипида, Франзенелю утвердилъ, что онъ не имѣетъ понятія объ имити и что въ его пьесахъ очень мало имитереса. „Не слышно ли, что въ „Андреевѣ“ Теркулесъ, приходящій къ Адмету, зотмась ложиться за сномъ и начинаеть пировать, какъ ибнвій посланецъ?“ Объ Арисофанѣ Франзенелю оудивляеть нтъсколькю ивге

и находимъ если, то въ его комедияхъ такъ же за, вѣздки, ни развѣздки, за извѣденье это явилъ, что въ хо вѣривъ комизмъ былъ еще въ грубомъ соединеніи; о Сократѣ онъ говоритъ, что его дѣйствующія лица грубы и небы, тесзвѣтны, какъ народныя просопоиды, что его па, сужди — народныя мурники, мелодныя для немысливъ экловъ.

Фронтенеллѣ находилъ въ ономъ близкомъ отноше, нидѣль съ маркизой де Ламбергъ, а позже постыизавъ са, лонъ мадамъ Мофференъ. Въ 1691 году, онъ былъ избранъ во французскую Академію, гдѣ его прозвали Нескоромъ индуратуры, и всѣ обществу хлопотали, чтобы привлечь къ себѣ остроумнаго, занимательнаго сарика. Въ 1697 году, онъ былъ назначенъ безмѣтныиъ секретаремъ Академіи наукъ. Фронтенеллѣ, членъ Французской Ака, деміи, Академіи надписей и Издичной Словесности, членъ Лондонскаго Королевскаго Общества и Берлинской Ака, деміи, умеръ въ Парижѣ 9 Января 1757 года, достигнувъ, ни почти столѣтняго возраста.

Фронтенеллѣ, какъ уже знаема, былъ племянникъ, комъ обонъ Корнелий. Подъ руководствомъ своего дяди Тома (Вотма) онъ научилъ легко и посредственно пи, саръ во всѣхъ родахъ индуратуры: онъ сочинилъ сужди, оперы, пасторали, галантная пьеса и написалъ одну трагедію; онъ отличался сужди и холодными умомъ,

индизмъ сжилель и озеурзвельеъ велькой есзеурзвенноеси
 и непосредзвенноеси. Тока онъ бовль зоуко сочини,
 зелель сжилель и зеарралельеъ иельеъ, онъ впаиль оурав.
 даваль сажирь Лабрюйера и М.-Б. Руссо: ззо дельеурзвелъ,
 но бовль галазельиъ Кидий (le précieux Suidas) и, краси,
 вайиий пезаель въ миръ. Однако онъ уже обнаружилъ
 въ „Разговорахъ мерзвельеъ“ или въ „Диалогахъ мерзвельеъ“
 (Dialogues des Morts, 1683 г.), подъ формою ^{изданный} Диалектъ,
 огенъ зоукоиъ вилдъ и промью пезависимоего суждений.
 Ззо — первое его произведение, ильовилъ устельеъ, хозъ въ
 нельеъ зоуе много асфреказий и дурного вкуса. Но на
 свою настоящую дороу французельеъ попалъ, когда на,
 писалъ „Тесельеъ о множельеъ (или множезвенности)
 мирельеъ“ (Entretiens sur la pluralité des Mondes, 1686 г.)
 Въ ззоиъ изданный, вельеъ написанной книльеъ, козорая
 ильела въ зо врьидъ гроуадельиъ устельеъ, французельеъ
 шриво и зашипельельеъ ильозилъ асфромическую
 сиезельу Коперника и обезавилъ ее сообразельиельи, ко-
 зорой дль зоуаиельеъ одиельеъ били и нова, и писану,
 нельеъ. Теоцельеурическое мирозельеурзельеъ, козорое сзавило
 нашу планету центроуельеъ вельеуиной, а зельовельеъ счи,
 зало вельеуиельеъ зворельиъ, на сльуду козорого сзворельеъ
 все оезельельеъ и кругельеъ козорого ходельеъ ходуельеъ сони-
 це и звьездъ, бовль оезроуельеъ оельельеъ и уиельеуиельеъ
 нельеъ. „Не уродко ли вельеъ будельеъ замельеуиельеъ“, говорильеъ фран.

жене въ своемъ сочиненіи, обращается при зтомъ къ маркизу, — „что все мы созданы, какъ жоръ безурной адидини, козорій вообразилъ себѣ, буджо ему припад, лемаръ все коробли, приплывавшіе къ Турейской гавани. Наме безуміе сооружу въ удъизденіи, что все природа безъ исключеній предназначена для нашихъ мучидъ; и когда спрашиваю у нашихъ философовъ, къ чему существовать это изуринженное мноисество зводъ, они вани холодно озвочаютъ, что зводъ зри созданы для звселенія нашихъ взоровъ.“ Такъ шурило и обидеорунно разв. ваяед излоисение. Шури Фронженелл обьдендеръ удално озкрузид Талилей и сиезему Декарра о вихрды (Tourbillons). Шури наука сдилалает поидрнго для изуринжен, кожд слово книги изыскать и навиценю; но въ то время все писали въ зтомъ родѣ, и публика была очень добольна, что наконецъ наука заговорила удоботондз, нилье изуринжен. Въ зтомъ сочиненіи видна зоме болъ, мад свобода мысли, чего президе не безрочалает и зто еще болше содтъсрвовало честику книги.!

На слодукоци годѣ, Фронженелл написалъ Мехорито ора. куловъ (Histoire des oracles, 1687г.), козорую оин извлечъ изъ одного тяжелованого ладинскаго сочиненія гон. ландца Ванъ-Дале (Van-Dale), з.е., сооравилъ подобноуной

У Въ январѣ зого же 1686 года подвилает въ Бзилье издаваемой газетр „Nouvelles de la republique des lettres“ сатуринеское иносказание — аллегорид Фронженелла: „Relation de l'île de Bornes“! Ининое писко изъ Тававин сообща, еръ, что на островѣ Борнео споряру двѣ сестры Мого (Rome) и Энедне (Genève), з.е. католицизмъ и протестанцизмъ, о пресрловосмешив.

1) Сообщение изъ острова Борнео

италраини въ словѣ
Rome и Genève

и самый открь этого фразга, пресиде недосуднаго
 для французскихъ тизаделей. Пезнен этого произведенія
 были, побидимому, безобиденъ: Фронзенеллъ усзанавилъ,
 ваехъ въ немъ коопровержимымы образоты, что прори-
 цанія древнихъ оракуловъ дѣлалисъ не демонами.
 Такое сзраніе доказатъ это могло бы показатся изми-
 нилъ въ исходѣ XVII столѣтія. Но образилъ вниманіе
 на самый приелъ доказателствъ. Фронзенеллъ раздѣ-
 лаетъ приликъ зого локвоверія, съ козорьимъ прики-
 малемъ прорицанія оракуловъ: люди вторили въ нилъ,
 позоу что лозтали въ нилъ вторизъ. Человѣческій умъ,
 въ періодъ своего невѣжества, людитъ все чудесное.
 Вселензевіе легкоувелій и укучветной лъни люди бо-
 лше склонны искаре обѣженій, невели протвердуръ
 фразы и перолковывае чудеса, козорьихъ въ дѣйсзвизелъ.
 поези не было: свидозилствозомъ зому слущивуръ прелесзъ.
 ной анекдотъ о залозомъ зѣбѣ, козорій, какъ говорили,
 накладилъ во рру одного ребенка въ Силезіи. Докторъ,
 зивозе золны поощредуръ нискозорьихъ иштъ юг одна-
 камъ; ишзресы шрецовъ подузидали илхъ пошзобаватъ
 народманнмъ невѣжесзвонмъ. Оракулы исзезли зомско
 зода, когда умъ человѣческіе просвотзилмет, илхъ засзѣ-
 вилъ замолкнущъ философія.

Аргументація Фронзенелля шла далше вшезав-
 лемнаго илхъ тезиса. Все, что онъ говорилъ обѣ ора-

куласть, могло быть сказано также и о гудесах. Ужа,
 жель выносятся изъ его книги до внезапности, что въ
 гудесахъ слѣдовало означаться кризисически и что въ дѣй-
 ствительности, при серьезной протыркѣ фразовъ, все гу-
 десное должно исплзнуть. Въ разрывѣ мнѣшавъ сои,
 пендѣ попадаются небрежно брошенные фразы о Пла-
 жонѣ, изобрѣденныя догматы, высказывавшья идею
 о Троицѣ, и другія подобныя же фразы, охотливо
 охрѣвающія намъ насродичурю мысли Фронзенелля. Въ
 сущности эта невнятная кризика втора древняя въ мѣ-
 оракулы была первой аргументомъ, направленною научныиъ
 мезодомъ прозивъ основы Христианства. Въ мѣшо фило-
 софскіе аргументы, которыхъ позже подивалася религія,
 содержались въ принципѣ, въ этой книгѣ Фронзенелля.
 Гезуизки (справедливо) указывали на глубокое нечестіе
 этого сочиненія; но сами голландскіи авторы - ученые
 Ванъ-Далъ - издѣвши благодарности переводчику, созна-
 нья Золско, что французская цензура вымарала много
 дорахъ сраницы и переводчикъ представилъ нѣкоторые
 фразы не въ насродичель видѣ. Однако несмотря на
 вѣсь предосторожности Фронзенелля, книга эта показалася
 все-таки опасною, и гезуизки - какъ мы уже слышали -
 возсали прозивъ нее. Авторы не ослѣпились безумиъ
 въ геологическій спорѣ, полагая при этомъ очень спра-
 ведливо, что не елиу оубогае за мнѣшій Ванъ-Далъ,

который померь самъ оправдаться. Несомненно, Меропид бракуловъ была значительной произведениемъ.

Какъ мы уже слышали, Фронзенелль озливался сурливымъ и холоднымъ чюномъ, озузубивъ вѣдкю сѣре, озвенюези и непосредственюези. После этого поидруо, отнего его насфорамная сурлозворенія, вышедшия въ свюзь въ 1682 году, озливаются совершеннымъ озузубивъ назури и чубезва. Оперы его: „Ксикая“, „Телле-рофронъ“, „Фохидя и Телей“, „Лавиния“, „Эндиміонъ“, и грам, ная въ это же время, зереръ совершенно забвизы.

Будучи назначенъ несомненнымъ секретаремъ Академіи Наукъ (1697г.), Фронзенелль, ~~занимая усердно нею,~~ ~~рису Академіи Наукъ~~ первый изъ секретарей, началъ писать по-французски; его предшественникъ еще писалъ по-лазони. Петеръ Фронзенелль занялся усердно нею, рису этой академіи и вѣтими ея членами; онъ составилъ именованно Histoire de l'Académie (Исторія Академіи) и Vlozes des Académiciens (Поквалчюныя рати академикомъ); зюгда Фронзенелль вчюлнъ вошелъ въ своего роль, закючавшюся въ зюмъ, тоюбы бѣзъ чюи, зелель философию для свюзекимъ людей и внести науку въ менские свюзекіе разговору. Въ этой роли онъ дозривъ совершенюезва. Его „Vlozes des Académiciens“ могутъ назваться по слогу одного изъ образ, чювилъ книги на французскомъ зыккѣ. Она написана

проезд, безъ аффектаціи, свойственной автору, и въ ней видно разнообразіе его знаній, поэтому что онъ съ од-
наковымъ легкостью оцѣнивалъ математиковъ, астро-
номовъ, врачей, химиковъ, философовъ, натуралістовъ.
Фронзенелль имѣлъ способностью сдѣлать вѣдучю науку
доступною, занимательною, легкою, и сформировалъ
его умный, увлекательный разговоръ о какомъ нибудь
предметѣ, тогдаเสมอ похвалялъ его. Нелѣпыо, что онъ
заслужилъ убавленіе современниковъ.

Позволъ Фронзенелль издалъ свое сочиненіе: „Doutes
sur le systéme physique des causes occasionnelles“ и хотя
убавлялъ Гамбранша и сиречь его величайшій гени-
ель, но не могъ удержаться, тогда не кричковавъ
нѣкозоровать наъ его убавленій. Фронзенелль сдѣлался
талантливый карезіанецель, но убавленія его не до-
ходили до французма. Онъ убавлялъ Декарта, но слѣдо-
валъ ему не слѣпо и даже находилъ въ немъ недо-
сражки. Но самымъ знаменитымъ сочиненіемъ Фрон-
зенелль сирьзавелъ все-таки его наии уже упомяну-
тый „Похвалная рѣчи академикаль“, написанная
прекраснымъ языкомъ.

Овъ XVII столетіи Фронзенелль приобрѣлъ наклонъ,
носу къ риторикѣ, къ литературнымъ занесудамъ, фи-
гурамъ и украшеніямъ рѣчи. Но въ до нее время его
коснулось умственное движеніе, которое было возбуждено

1) Сомнѣнія о физической смерели сирьзавелъ прииметь

картезианецовъ, подготовилось посредствомъ накопле-
 ния знаній и развитія кристицизма. Французскій
 оказалъ немалую услугу популяризаціей во француз.,
 сколько общесудьбы естественнаучныхъ свѣдѣній, вырабо-
 танныхъ въ последній столѣтіи. Если припомнимъ,
 въ какой силѣ были во Франціи еще въ концѣ XVII
 столѣтія самыя грубыя суевѣрія, если припомнимъ,
 напр., полемику Бойля проливъ астрологическихъ до-
 кованій, если припомнимъ наконецъ, что даже та-
 кая низшая и грубая образованная для того времени ин-
 тель, какъ и та въ Баваріи, была склонна къ призна-
 нію дикости немцевъ — заслуга Французскаго ока-
 жется немаловажною.

Эго было безукоризненнымъ свѣтскій человекъ, всегда
 ровный, приличный, восторженный, умиляющийся. Знамя,
 земная доля Эгоизма и равнодушія удавила его отъ
 всякой свѣтлой страсти и двинула его въ высшей степе-
 ни модерна. Онъ былъ неспособенъ увлекаться и
 гордиться, былъ неспособенъ ни на какое непосред-
 ственное движеніе, ни на какой неосудимый по-
 рывъ. Но онъ былъ уменъ и, благодаря этому, издѣлалъ
 мелочнаго Эгоизма. Онъ во всемъ следовалъ разуму,
 онъ былъ справедливъ въ силу своего ума и по этой
 же причинѣ оказывалъ благодарныя. Во всей Ака-
 деміи онъ одинъ подалъ голосъ проливъ исключенія

Французская история литературы XVIII в.

сидела же Сент-Терра, прозвись этого ажда работливого
лицемерия. Онъ былъ шедъ, когда этого зредовали оъ него;
- мадамъ Модорренъ располагала его комельство въ
пользу своихъ бедивель. Онъ никогда не оуживалъ,
но никогда и не предлагалъ. Онъ призывалъ въ себя
зюско одно гувезво, созавидивше какъ бы начало оурафи:
„небольшая слабость къ зюму, что прекрасно, говоривалъ
онъ, - возъ мое горе”. Ему следовало бы сказать: къ зюму,
что нехитро; но онъ былъ до такой оуенной мименъ
архиверического гувезва, что не понималъ другой красоты,
кроме красоты зюской мысли или издично похуроем,
наго доказательства.

Но и эта слабость никогда не увлекала его; онъ всегда
сохранялъ оземъ благородную сдержанность. „Если бы
я держала въ западой руке иудину, говорилъ онъ, я оземъ
поохерелъ бы раскрылъ ее”. Это происходило ^{у Фонтенелля} не оъ чинъ,
срвенной робости и не оъ личной ослоризельности:
это происходило оъ деликатности. Характеръ этого ни,
саяла былъ самый покойный, онъ ненавиделъ скандала,
грубую борьбу; онъ жертвоу не могъ шума, споровъ, сума,
зюхи; все это оуживалось дурнымъ зюномъ; онъ былъ
слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобъ вздох на есдъ
роль апооола или народнаго зридурса. Онъ былъ также
слишкомъ большимъ архиверомъ, чтобъ ставилъ иудину
полненьки горючки на оуживой ниве. Онъ полагалъ,

„Это повзордуръ и Лессинъ, говоритъ: если бы Богъ былъ въ одной руке
всично иудину, а въ другой - сренление къ иудинъ и предлагалъ мнѣ выборы,
то я просилъ бы: дай мнѣ, оземъ, сренление къ иудинъ, ибо иудина сама прио-
дуретъ одному Тебѣ”.

то перуна была недоступна для масс, создали-ли
 она из прелезодиков или аристократов, то она
 была создана для небольшого числа умов и то фальско
 вь ниль она не искажалась и не приносила дурных
 плодов.

Францезиль говорил о науке легко, прилично и гра-
 зносно, тасо съ зонкой проицей и иногда съ чрезмьр-
 кой слащавостью и галавизностью. Ёму случалось смил-
 ковь украшать свой стил лезгали и перьями и пре-
 бращать астрономию въ мадригалы. Наука немного
 израдала при зголь, но для завоеваній салоновъ зго,
 то принесла такозорая энергия, а извоезная доза
 призорности не созавляла въ данномъ слугаче смил,
 ковь дорогой цтывы. Но главнвиль доезоимствовья
 згого писателя, благодаря козорому она дала золь всей
 философии своего века, была его Яснозг. Она зредо-
 балъ зго дати для пониманія своего. Мнозиезва
 мировъ — ровно зголько зие вниманія, сколко ниль
 нужно было, зтобы слкдишь за ходомъ разсказа въ
 "Princesse de Cleves" графини Лафайетт. Она издала
 систему Коперника и озкрузид академиковъ зкшиль
 образоль, то все понимали зго и удерживали въ
 пильзги.

Францезиль особенно старался выдести основная
 правила научного метода и приучишь къ ниль умь:

никому не вторяет без доказательства, упирается солидарно
 и упирается не знает. Я вижу только нечто большое, на
 которое я не вижу ничего; писалась она по поводу „ми-
 зерной планеты“. Не следовало бороться против истины,
 как как везь истины были в свое время новыми. По-
 средством свихалась и остроты доказательств Фром-
 земель через навливаясь положение, что на стороне
 парадокса находится большая уверенность, несомненно на
 стороне традиции. Она велела в ульк вору в про-
 гресе, раскрывая перед нами зрелище восточной наук,
 как открытие, сдвигавшая разумность в философ-
 ской сферой. Она признает за древними жонкозу
 отчасти отрицательную заслугу, что они уменьшили
 число возможных ошибок, что они, как сказать, не
 пользовались самыми грубыми абсурдами, которые, если бы они
 уже не были испробованы, могли бы еще на несколько
 рою время задерживать умозрительное развитие поздней-
 ших поколений. X

Французская, на основании как же, как Бэйль,
 никакой своей системы, нанесла жестокий удар религии,
 советам, победительно, не желая этого. Это задача была
 не теоретическая, а практическая. Она открыла светскому
 рационализму его существование с научными
 направлениями; она популяризировала науку и ее
 принципы. Она окончательно пробудила в эфире легкость

салонных умов попрежнему все похваля и вызывая
удовольствие, что все, казавшееся необходимым, ка-
залось захватить довольно поспешно, что еще не было обьяе-
нено.

Въ конце XVII вѣка картезианство, отклонившее
отъ формальной доктрины Декарта, обнаруживало
все болшее и болшее могущество своего метода. Въ
конце концовъ картезианское движение, въ лицахъ
Мальбранша и его учениковъ, высказало новую сре-
днечскую систему, а въ лицахъ Баруха Спинозы, воз-
бужденнаго безпокойства и унасъ въ християнскихъ ^{мысляхъ}
земляхъ, исключало вполне даже самую возможность хриси-
анской религии. Но Фронцелла въ своей, многослов-
ной "мировой" популяризированной естественной науке
Декарта и Коперника и сдѣлалъ для друзей учениковъ
громаднѣе ^{не} поспешно Волгера для Локка и Ньютона.
Триумфъ говорилъ, что невѣроятныя, бездарныя евро-
пейскія моды, даже шпигиты, наклонности и закладчикъ
короткихъ платьевъ болшее влияние на все, что относ-
судя къ уму и нраву французовъ, герману у фран-
цезелла аксиомы неминимой философии? у францу-
зелла не было ни одного врага, и множество друзей
окружали его, поэтому что отъ не произворагали ни,
кому, не оскорбляли никого. Она избѣгала снѣсныхъ
ощущений, никогда не плакала и не стыдилась. Она

1) См. Correspondence littéraire т. 2. стр. 147. — Справ. и Тейф-
нера: Geschichte der französischen Literatur im 18. Jahrh. стр. 40.

самъ говорилъ про себя: „Я никогда не любилъ“. Там же
 Платонъ сказала ему однажды: „у васъ нѣтъ сердца,
 а въсего его въ груди законъ же мозгъ, какъ и въ голо,
 въ.“ После этого не удивительно, что въ его ^{пессимизмъ} ~~драматизмъ~~
 нѣтъ ни шара, ни сражи, ни драматизма. Впрочемъ,
 онъ с²рочно наблюдалъ правила чести и справедливости.
 Все шире онъ былъ олицетвореніемъ чужаго, холод-
 наго эгоизма, но шире для себя, не считалъ по крайней
 мерѣ никогда шире другихъ, какъ нѣтъ въдумается.
 Онъ соизмѣлъ между прочимъ оперы, комедии, разликъ,
 новы нагнѣны и философскія произведенія. Лессингъ¹⁾
 слишкомъ резко выражается, говоря, что Фонтенелль
 былъ только острякомъ, имѣвшимъ несчастье его шире
 озабоченъ острочливиль, но это не менѣе односложно,
 не, когда весьма даскоймъ Фруранъ (Foucault) въ
 своей сражѣ, Fontenelle ou de la philosophie moderne,
 Paris, 1847” этого писателя представлялъ рѣшимъ ^{нѣтъ}
 удивительнымъ героемъ. Но какъ или иначе, надо при-
 знать, что Фонтенелль былъ ^{иде} замѣчательнымъ, ро-
 с^{о. 176} christos. (всескоронный уранский)

Это собственно послѣдовательно, что радомъ съ Бэй,
 лель и после него возникають загадки какъ назван-
 ной религии разума. Вторя можетъ перестать сош-
 нѣние, но рѣшаръ его можетъ только мысленіе. Далъ,
 нѣтъше развѣзіе этого во французской литературе

1) Тамъ 3. сфр. 410. — Ср. Терреръ сфр. 42.

безрочаежд пресиде весто у Ле-Клерка. Жан Ле Клерк
 (Jean Le Clerc), происшедшии изъ старой Меневакой
 ученой семьи, бывши съ 1684 года профессоромъ фило-
 софии въ Амстердамѣ, гдѣ же оны умеръ въ 1737 г.,
 семидесяти восьми лѣтъ отъ роду. Между его много-
 численными ^{сочинениями} болѣе извѣстны: „Entretiens sur diverses
matières de théologie“¹⁾ и „Traité de l'incrédulité“²⁾ оцоден,
 но еще его журналы: „Bibliothèque universelle et histo-
rique“³⁾ 1686-1693, „Bibliothèque choisie“⁴⁾ 1703-13, „Bibli-
othèque ancienne et moderne“⁵⁾ 1714-27. По учености и
 острому мисо Ле-Клеркъ не померъ съ Бэйлемъ рав-
 наться; но ясности и промислелности оны превос-
 ходитъ Бэйля. Тотъ Бэйль-скептикъ, а тамъ Ле-Клеркъ-
 рационалистъ. Ле-Клеркъ ^{не} подвергаетъ мышление
 брорванію, а брорваніе мышленію. Ожрореніе
 Ботіе оны убавляетъ мисомъ на сродско, на сколко оно
 сообразуется разуму.

Теперь эти нововнесенія умножаются въ ботъ,
 шото безсродного и начинають вытѣснять съ земли чине
 выроридарствъ. Jusot de Patot, профессоръ математики
 въ Девенертѣ, въ Нидерландіи, закъне прозсуданскій ботъ,
 лезъ, написалъ въ 1710 году романъ: „Voyages et
aventures de Jacques Masse“⁶⁾ въ которомъ оны оу-
 ричаетъ Ожрореніе, Безделье и воскресеніе и
 уже готовится надъ хрисціанствомъ гредѣишии одъ.

1) Бесѣды о различныхъ казеридяхъ богословія.

2) Трактатъ о невѣрїи.

3) Универсальная и историческая Библиотека.

4) Избранная Библиотека.

5) Древняя и новая Библиотека. — 6) Путешествіе и приключенія Жака Массе.

разом.

Въ то же время, когда Френслонъ зрудился надъ политическими уклонениями и освобождением ^{Франции} Водана (Vauban) и Буагиллестъ (Boisguillebert) зрудился надъ экономическими.

И здѣсь опять-таки поднимается сопротивление у ближайшихъ друзей короля. Маршалъ Воданъ, хоть и могущественный полководецъ, котораго своей гениальной организациею усстроилъ зридцарь зри новую армию и возродилъ и преобразовалъ зриеза стариннаго, котораго руководилъ нѣско десятилетъ зремь осадами и сраженіями въ зра сорока сраженіи, написалъ книгу: "Projet d'une dîme royale".¹⁾ Это для сужденія о насущномъ времени ~~зри~~ ^{огонь} ~~ваши~~ ^{вистало} ~~ваши~~, какъ какъ въ искренней при-, верженности зтого сановника къ королю некого сомнѣнъ, вазгетъ.

Vauban

Никто не зналъ внутреннихъ положеній Франціи лучше Водана. Больше полусотнѣтъя проходило оныя черезъ Францію по вѣтвѣмъ направленіямъ, и никогда зольско какъ солдатъ, на все вытѣхъ съ зими со взглядомъ излѣдующаго государственныхъ мурна и друга человѣкозуба. Вездѣ на зрнѣ прохладѣ оныя записалъ зичагелско всевозможная къ войнамъ и морскимъ дѣламъ, къ финансамъ, зорговлѣ, церкви и внутреннему правъ. ценно, ознакомились даннѣмъ, Воданъ — ^{авдсрѣдъ} инициаторомъ

1) Проектъ одной десятой доли рояля (извольной французской монеты).

французской сраженки. Но какъ ужасенъ и безу-
 зъменъ былъ результатъ, вышедшій изъ этого прилеп-
 наго вопроса или изслѣдованія! Онъ говоритъ: «Изъ ко-
 его изслѣдованія выходяще, что почти десѣзятъ газетъ
 народа впаде въ нищезу и въ самое дѣшевое нищезе,
 сзвуче, что изъ двѣдур дружилъ газетей нѣтъ должеко въ
 соединеніи даде милосзвенію, что изъ осзавленію газетъ,
 релъ-зри онѣтъ угнезденна должеами и исками, и
 то десѣзятъ газетъ, къ коздой принадлежалъ нѣско-
 зорые люди вѣиска, суда и духовенствѣ, дворянствѣ,
 чиновники, хороміе купцы и зашнзогные мѣща-
 не, покрайней мѣрѣ содержалъ сзозислѣны семействѣ».
 Въ глубочайшей основной причинѣ этого невыразимаго
 бѣдствія Воданъ не сомнѣвался. «Презирающе и слыш-
 комы обременяюще», говоритъ онъ, «ранѣе вазе¹⁾ козо,
 рад какъ своимъ количествомъ, дакъ и своимъ на-
 сродничии повинностѣми ссозавляюще основу государ-
 ства. Почему же вельможии освободителни озе повин-
 ностей и подазей?» Благороднѣйшего теплзото сердца
 Воданъ излагаетъ, что все подданное безъ различія
 сословія равнымъ образомъ имѣюще ессезвенную одде,
 занное, соразмѣрно нѣтъ даждать, угасувае въ
 покрзизн на государственныя расходи, и что всякое
 преимущезво, освободителное озе зривѣ внособа, наго
 ссизаг несправедливостею и злоупозредителне. Но Воданъ

у низшнго газетъ народа,

наль слишком скоро смерзую своихъ благородныхъ
 суремленіи. Терзочъ Семь-Синковъ рассказываетъ, что,
 когда маршалъ передалъ королю свою книгу, она была
 послѣднимъ очень немилосердно принята. Неожиданно
 были ^{забыты} великія заслуги Вобана забыты; забыта его
 военная гениальность, его долго непревѣдимае вториче;
 маршалъ ^{слишкомъ} (слишкомъ) съ этой книжкой безумецъ, даже
 пресупитковъ. Съ этой войны не могъ перенести эту
немилость; 14 февраля 1707 года книгу Вобана кон-
 фисковали, 19 марта уничтожили ее, несколько дней
 послѣ того (30 марта) она унесла.

Рядомъ съ Вобаномъ стоялъ Буакильберъ. Со своимъ Boisguillebert
 основными взглядами Вобана она до какой степени
 согласны, что возмущались недоброжелательные ^{люди} ска,
 завидя, что старый полководецъ самъ не создалъ ничего
 сообразнаго и самостоятельнаго, но хотѣли только
 своими влиятельными именами поддерживать Буакиль-
 бера. Но Семь-Синковъ сообщаетъ ясно, что они оба ^{они},
 когда не видѣлись и не знали другъ съ другомъ, и
 кроме того возмущаются въ изложении орденами
 фрактовъ знаменитыя несогласія.

Pierre Le Pesant de Boisguillebert былъ дореволюционеръ,
 великъ судебнаго чиновника въ Руанѣ. Его главный
 трудъ „Detail de la France sous le règne de Louis XIV“ ¹⁾
 вышелъ въ свѣтъ въ 1697г., но только его позднѣйшій

1) Обстоятельства или положеніе Франціи въ царствованіе
 Людовика XIV.

изданий и переправки съ 1707 и 1712 гг. поизобавилъ
уважениемъ. Некоторое время преслѣдовали Буагиль-
бера, лишили его должностей; но благоволениемъ
могущесущественныхъ заступниковъ возвратилъ ему его
престыжное должносте. Онъ умеръ въ 1714 г.

Какъ у Вобана, такъ и у Буагильбера главный
бракъ принадлежалъ необходимосте равнопорожнаго рас-
предѣленія податей. Они рязко требовали освобожди,
деней народа отъ господствующаго злоупотребле-
нiя. Весь податныйе долгины и тяже равной права
и равной обязанности; преимущественно, — несправед-
ливосте.

Шенаръ принадлежалъ къ модному и литературному коро,
раго некоторые французскiе словесники называютъ
вводителемъ великихъ писателей XVIII столѣтiя (in,
Introduction des grands écrivains du XVIIIe siècle), — это
аббатъ де-Сенъ-Пьеръ. Полъ Андеръ называетъ его и
всодѣлителемъ реформаторства. "Такъ какъ вопросы,
занимавшiе аббата де-С.-Пьера, были практическаго
сваяства, но большей часте политическiе и экономиче-
скiе, то можно его приислужу предшественни,
както, какови Вобанъ и Буагильберъ; но такъ какъ
онъ принадлежалъ къ роменитому кругу вопросовъ методъ
глубоко удобоудетнаго мышления, на сочиненiяхъ
котораго такъ же обозначается начало просвѣтительскаго

1) Ср. „La Littérature française au dix-huitième siècle par Paul
Albert. Paris, 1833.“ Стр. 21: L'abbé de Saint-Pierre est l'introduitens
des grands écrivains du XVIIIe siècle: c'est un réformateur universel.

этом, что с другой стороны она принадлежит к
одному поколению с Бэйлем.

Saint-Pierre родился 18 февраля 1658 года в замке 1658-1743.
Saint-Pierre Eglise близ Тарфлёра (Flasflers) в Нор-
манди; как все его литературные сверстники, как
все писатели конца XVII и начала XVIII века, он
рос и воспитывался на картезианстве. В 1686 г.
— как ^{двадцати восьми} ~~восемнадцати~~ лет — пошел в Париж, ^{проживши около 57 лет, он} умер 29 апреля 1743 г., как
восемьдесят три года.

Аббад де С.-Пьерр сам указывает на образова-
тельное значение Декарта, которого он называет
одним из величайших людей в истории. До Де-
карта, пишет он, „метод демонстраций, правды,
мысли и последовательности дедукции, существовал
только в одной геометрии. У нас было множество
ораторов и издателей ризоров; но не было осно-
вательных, методических мыслителей. Мы не могли
отделить истины от привнесенных понятий, выне-
сенных нами из воспитания, — от предрассудков,
убеждений с детства и от общепринятых
смыслов. Мы шли, как слепцы, опираясь один
на другого. Вместо того, чтобы продвигаться по пря-
мой линии, мы вращались в одном и том же
круге, приходя в круг очень узкий.“ Из этого

неслыханного похощения Декарта, по мнению С.-Пьера,
 Бивель человекосъема. Изъ этого можно видеть, что
 главные образы цыганъ аббата С.-Пьера въ кар.,
 гезианосъема: это — математический методъ выводовъ и
 доказательствъ, приложенный къ самымъ разнообраз-
 нымъ вопросамъ знания. За это же методъ схватился
 С.-Пьеръ, онъ видя въ немъ лучшее средство къ оз.,
 красиво ведя себя и учить. Правда онъ былъ въ зомь оз.,
 пометил, что въ своихъ разсужденіяхъ оубрасывалъ
 всякія традиціи, всякіе предразсудки, всякія ло.
 даясь логикой и держался строгого последователя,
 наго мышления. Но ошибка С.-Пьера, какъ и мно.,
 гихъ другихъ мыслителей XVIII вѣка, заключалась
 въ зомь, что, увлекшись этимъ математическимъ мето-
 домъ, этой суровой озвлекательныхъ выводовъ, онъ пре-
 небрегавъ очевидными данными, свысока смотрѣлъ
 на изслѣдованіе фактического матеріала, на наблю-
 денія, и строилъ думъ за другими свои проекціи на
 основаніи чиста абстрактныхъ комбинацій, не имѣ-
 ющихъ опоры въ действительности.

Вопросы, занимавшие аббата, были — какъ уже
 сказано — въ практическаго свойства, но болѣе
 гаси политическіе и экономическіе, и въ рѣшеніи
 этихъ вопросовъ онъ прилагалъ свой методъ съ упрям.,
 съвою односзороннаго человека и съ ревностно гудомъ

убожденнаго мыслителя. У него философскія, литературныя или эстетическія задачи его не интересовали. Въ своей работѣ онъ походянно руководствовался мыслию, вѣдь общезвѣстной пользы. Но, что полезно для человѣчества, что можно соединять благосоединително обществу, вѣдь на этомъ сосредоточенъ весь его помыселъ. Я больше занимаюсь политикой, чѣмъ морально, пишу объ этомъ, и поэтому, что я убежденъ, что самая незнани, желтый охрипѣлъ, который я могу считать въ сферѣ политики, принесуть гораздо больше пользы для человѣческаго счастья, чѣмъ самая высокая умозвѣтаніе, на какія я только способенъ, — въ области морали. Когда его пригласили въ Академію, онъ изложилъ общему виду, ирелогично рѣчь въ продолженіе четырехъ часовъ, а известно, что во Франціи, даже до сихъ поръ, рѣчь при вступленіи въ Академію считается очень важнымъ дѣломъ, надъ которой вносятся избранныя академикомъ воздѣръ цѣлыя мѣсяцы. Но аббатъ де-С.-Пьеръ, несмотря на увѣщаніе друзей, не хотѣлъ исправлять и выглаживать своего рѣчь: „произведеніе такого рода“, говорилъ онъ друзьямъ, „не заслуживаетъ, по отношенію къ той пользѣ, которую оно приноситъ государству, больше двухъ часовъ времени; я употребилъ цѣлыя часы, и это съ моей стороны уже впасть въ добросовѣстно? Любопытно также его отношеніе къ такъ называемому

изданными искусством: скульптура, живопись, музыка, поэзия, театр — доказываюте золько, но оно много, низкое, существование ^{большого} великого числа бездальников. Также увлекался аббата де-Л-Тверь своей идеей непосредственной, прямой полезности.

Первым его сочинением, обратившим на себя общее внимание, было: „Discours sur la Polyarchie ou pluralité des Conseils“¹⁾ написано — как говорится в предисловии — еще в царствование Людовика XIV, но издано золько во время Регенсуха. Неограниченное единовластие (монархия), упреждаемое или ^{одним} королем, или главными министрами, или только, горькими всемогущесущественными министрами вконец, называв визиратов или полувизиратов, автор предлагает в этой книге ^{пред}лагает научное обоснование и существование того многогласного, регенсуха вна, чать его правлений назначенного совета министров, между которыми распределены отдельные виды власти и с которыми король по мере необходимости до каждаго решает. Особенное значение получила эта книга золько, что С.-Тверь в ней открыл все недостатки и недостатки, который не использовало государство в царствование Людовика XIV. Хотя владение ^{этого} 28 апреля 1718 года аббата С.-Тверь неслили из Академии, золько не меньше оно усилило эти на.

1) О многих собраниях и министерств советов.

надки, именно в „Annales historiques“ (1658-1739).
 Это все еще базиснейшие неюридические неюристы обо,
 значимого времени. Во вестях издающихся соиме,
 мидьль отъ углубляеца еще определенныя и подро,
 мое въ ординарнѣй Бандевиѣ. Въ „Etablissement de la
tache proportionelle“ указываеца оца на несправедли,
 бое распределение подарковъ сборовъ; въ „Projet pour
rendre les dues et rains utiles“ на зно позомежен,
 ного дворянства и продаваемое долготерпѣн.

*) Прямое
 пропорциональ
 дѣлъ дѣлѣнъ по
 нѣмъ сборовъ

Неурожайнѣй аббату писавъ проекты за проектомъ.
 Также, въ грядетъ его сочиненіи бы находилъ проекты
 усовершенствованія монастырей, въ которыхъ авторы
 предлагаеца сохранивъ золько резюне ордена мона,
 ховъ и монахинъ и влѣтнѣнъ имъ въ обязанное
 занимаеца воспитаніемъ юномъ еуба, уходомъ за боль,
 кѣми и другими благотворительными дѣлами. Въ
 зволь служатъ, по его мнѣнію, монашеубо будеть при,
 носитъ несомнѣнную пользу для общесуба... „Спора
 нѣтъ (говоритъ А. Малковъ) — все это очень благонамѣ,
 ренно, но аббату Р. Тьеръ совершенно зѣрды изъ
 виду зо, это монашеубо, обращенное въ благотвори,
 земельное управленіе и личное стариннѣе, знео
 религиознае особеноеубе, не будеть болѣе связа
 со церковно, пересажаетъ бытъ монашеубовъ и едѣла,
 едѣя нѣско мѣрнѣе, государственнѣе и едѣнѣе.

1) Проекты или способъ едѣнѣе геризовѣ и перовѣ полезныи
 для государства оца указываеца

Но возможна ли такая реформа без радикального преобразования всей церковной организации, экономического положения церкви, без перераспределения и перестройки всего интереса духовенства? И при этом же быть будущему порядку и порядку? — Точно так же из мирового проекта другой проект — объединение приходов для нищеты. С. Пьерс преимущественно предлагает для этого новый источник доходов, а именно увеличивать ковенантный налог (на вино), т.е. другими словами, на эту подать, которая является всего лишь на низшее население и составляет одну из причин нищеты.

Подобные проекты читала книга у Р. Пьера. Многие из них поражают своею мелочностью и наивностью. Такие мы находим: проект для усовершенствования медицины, проект для усовершенствования торговли во Франции, проект учреждения публичных лекций по физике (здесь говорится об учреждении аудитория в публичной библиотеке, о парках, о залах, о лекциях для того, чтобы слушатели могли устроиться и т.п.), проект управления зимними турами (для этого, между прочим, рекомендуется учреждение особого совета туров сообщений при министерстве торговли, с многочисленными разветвлениями во провинциях), проект управления государством,

нью иезуитов, нью козоровых каждый будешь пошу,
гарт по двю змеяни шалованья, — спосодь еднлаз по,
лезниши церковной проповеди, и проч., и проч.

Вот эти курьезные проказы — какъ я уже сказалъ —
сзрадають одними существеными недосуджкомъ. Аббазъ
С.-Пeters, исхадъ нью своихъ озвелементныхъ соображений,
находитъ возмозимыми исправлять по кусочкамъ и
по мелочамъ, г.е. сзавитъ грудой заглазъ на иезуитовъ
и прочешенныхъ пларствъ. Онъ не понимаетъ того, что
закого рода газитивная, микроскопическая преобразованья
въ разлитныхъ дефалдахъ не могутъ итти никакими
серезными послѣдствьями, потому что общия фундаменты,
нью условия государственной жизни осязаетъ иезуиты.
— Но закъ или иначе, все закъ несомнитно, что
вотъ зракрати аббазы протикнузи идея возмозимо бѣтъ,
тако целовѣческаго благосуданья. С.-Пeters были не,
утомившая ед проповѣдникомъ, итсаль, звердиль о,
ней въ салонахъ и кружкахъ, заводиль споры, съго,
зобноесть вислушивалъ возраженья, относилъ при
этомъ совершенно равнодушно къ насмѣшкамъ
и колкостямъ. Этой идея отъ надитиша вето своего
дядзельковеръ: его отъ шилъ, слушание ед заткнѣло
для него бедкя илговыя привязанности и развлѣ,
ченья. Ему не отнаидѣ заткнѣло въ своихъ сочинен,
нью С.-Пeters поездамно повзорядель. Эмузю од.

назиды замкнули. Они попросили указавъ прищипать, и
когда прищипать было указано, адбашъ добродушно
схвоталъ: „Вотъ видите, вы и запомнили; а если бы я
это сказалъ только одинъ разъ, вы преспокойно забыли
бы.“

Духъ своего времени, вторичный во всемогуществе
разума, де-С.-Тьерс, подобно другимъ образованнымъ
современникамъ своимъ, озрѣвшимся изъ вѣчнаго
барокоподобнаго догматизма. Они всецѣло посвя-
тили себя увенчанію мірскихъ, земныхъ задачъ чело-
вѣчества, вопросамъ государственности и обществу,
культуры, и видѣли въ религиозности усобицахъ лишь
попытку поминутескому и матеріальному благому,
якоже челоуѣчества. На религиозную нефертильность
они смотрѣли, какъ на обществу вредную пагубу, ко-
торая правительству должно преслѣдовать и искор-
нять. „Какая польза въ зрѣть спорать?“ писалъ онъ.
„Никакой. Потому что, если даже предположить,
что въ толкованіи догматовъ вкрались заблужденія,
всѣ-таки эти заблужденія не многого значенія для
практической жизни. Напротивъ, это, приносимое
религиозными распрями, весьма существенно. При-
верженцы обидѣхъ партій обдывало другъ друга фа-
надиками и ерезуками; подъ предлогомъ религи-
ознаго рвенія они уничтожали въ сражаніи для

преследований своих врагов и нередко парубатомъ
 озкратой войной спокойствіе христіанскаго общества
 Такимъ образомъ, геологическій пререканія порозидатозъ
 такую политическую болотность, которая безпокою обществу
 и которую зылы зрудные излечитъ, что она нудеетъ на,
 родившій невозможность, з.е. сдвѣтсрїельнъ? Къ кресдовити
 походами аббатахъ относилъ крайне врасидно и ещизаеъ
 нѣхъ плодомъ. фанатическаго изезумленія. По мнѣнію
 С.-Пeters, для водворенія и поддержанія спокойствія въ
 государствѣ, правительству дозрѣннѣ пророзо принудитъ къ
 конграсно и ринити врасидующія религиозныя пархїи
 нъ этого късвѣтсрїель, съ какими политическими индифорс.
 ренуизманы относилъ аббатахъ де-С.-Пeters къ спорившій
 турккранъ различныя врасоупренія и, какъ на первомъ
 планѣ у него поедоанно къвдеетъ инхересъ государствѣн.
 ный, которыи у него совершенно оудталенъ оръ инхереса
 врасоупреннаго. Другиѣ, общия религиозныя попоменія
 С.-Пetersъ зашнцуетъ, но уже съ новой зорки зрѣтнїи, съ
 зорки зрѣтнїи оидѣтъ.таки государствѣннѣ поедоанности.
 Такъ онъ разучетъ за ученіе о безсмертїи души, но въ зрѣтнїи
 ученіи онъ насздаиваетъ неспокое на врасоупреннѣ его
 исзунтѣ, скалско на его шнзѣйской цѣлосаобразности.
 Онъ полагаетъ, что идея объ умноженіи теловтѣческаго
 духа будетъ въ высшей степени наудна для общества,
 она лишитъ людей множеству радостей и утѣшеній,

она озвучивает у них надежды на будущее блаженство,
а следовательно и на будущее возмездие по догматам.
Итак, не говоря о гонимых сама по себе его интересах,
а его практическое применение для общества. Отно-
зации политический и социальный интерес на много
религиозного. ✕

Какая же средства предлагать аббата де-С.-Пьеру
для развития общественного благосостояния? Я уже го-
ворил, что свои политические измышления Эго и
саям главным образом основывают на дедукциях,
на общих озвученных соображениях, не сообразует
сь с опытом, не вникает в условия, необходимые для
реального осуществления плана. Каждый вопрос
предзавладевает для него изолированно; он размыш-
ляет его, как формулу, совершенно независимо от
всех других аналогичных задач, и выводы для
нет категорическое решение. Знакомства с совокуп-
ностью фактов общественной жизни, с их взаим-
ными отношениями, у него не было, и поэтому все,
что он, что, при ветви своей мысли суждений,
он производил только массу односторонних проекций,
которые в высшей степени недоброкачественны, как при-
знак времени, но которые не могли, да и не могли
иногда, никаких практических последствий и ника-
кого практического значения. ✕

Событвенно прославился аббатъ де-С.-Пьера своимъ Проектомъ всеобщаго мира (Projet de la paix universelle), издаваемымъ въ 1713 году. Сочиненіе это вызвано было неудобными следствіями многочисленныхъ войнъ Людовика XIV и написано въ смыслѣ, прямо прозыво, поощренія всей политикѣ великаго короля. На немъ особенно рельефно обнаруживаются характерныя черты особенн. сущности С.-Пьера. Благодумный аббатъ исполняетъ самыя благородныя стремленія. Онъ изъ боку проникнуть убѣжденіемъ въ абсолютную вредность всякихъ войнъ для общесущественнаго благосостоянія и придумываетъ средство къ ихъ конечному уничтоженію. Съ этою цѣлью онъ пишетъ свой оублеченный проектъ и ссылается при этомъ, для приобращенія болѣе, того быса въ глаза публики, на короля Генриха IV, котораго дѣйствительно занимала одно время мысль о мирной федераціи европейскихъ государствъ. Главныя поощренія этого проекта всеобщаго мира таковы.

Европейскіе государи заключаютъ между собою всеобщій союзъ съ цѣлью предупреденія какъ международныхъ, такъ и гражданскихъ войнъ, съ цѣлью безопасности и спокойнаго владѣнія государствомъ, съ цѣлью охраненія своихъ династій, уменьшенія военныхъ издержекъ, содѣлывающихъ торговлю и внутреннею совершено, существованія государствъ. Государи соглашаются между собою

въ томъ, что они сурого будуща соблюдаютъ послѣднiе фран-
 цузскiе (именно Монсерскiй) и что каждая изъ нихъ бу-
 деть всегда владѣть землѣ, гдѣль отъ владѣтеля въ на-
 сходящее время. Союзные государи навсегда отказываются,
 сами за себя и за своихъ наследниковъ, разрѣшаютъ
 возникающiя недоразумѣнiя изъ войны; въ споръ,
 между гдѣль стороны будуща прибѣгаютъ къ посредни-
 честву другихъ союзныхъ державъ и будуща одобряютъ,
 съ приговоромъ, произнесеннымъ уполномочен-
 ными отъ вѣль государствъ. Если кто-либо изъ союзни-
 ковъ отказывается повиноваться приговорамъ и постанов-
 ленiямъ великаго союза и обращается къ оружию, вѣль
 другiе члены союза вооружаются противъ него и будуща
 дѣйствуютъ насущно до гдѣль поръ, пока ознамен-
 ный союзникъ не покорится общей воли и не под-
 чинится общей рѣшению... Таковы главныя черты
 проекта.

Въ насходящее время, какъ извѣстно, по побуде,
 нѣко нашего, теперь царствующаго, Государя Императора
 Николая II, въ Тарту создалась мирная конферен-
 ция или мирный конгрессъ съ цѣлью водворенiя
 вѣчнаго мира между государствами и народами.
 Почти вѣль даже сколько-нибудь серьезныя политиче-
 скiе писатели, приходя сами консервативные (какъ
 напр. Коллонтай¹⁾), не отрицаютъ возможности въ

¹⁾ Срав. А. Шабова гдѣль онъ стр. 31.

далекомъ будущемъ посредничествѣ мирныхъ отношеній
 между націями. Когда обществу удастся, что вѣрнее
 того, чтобъ воевать и лиять кровь, гораздо выгоднѣе жить
 въ ладахъ и совокупными силами бороться съ природою,
 дои, извлекая изъ нея возможно большее количество
 средствъ къ жизни, — весьма вѣроятно, прекративъ эра
 оснесогнетныхъ войнъ и образуясь мирная федерация
 общеувенныхъ народовъ. Федерация эта будетъ основана на
 взаимныхъ выгодахъ, на интересахъ, сознанныхъ если
 не всеми, то большинствомъ ея членовъ. Но въ началѣ
 XVIII вѣка проектъ аббата де-С.-Пьера представлялъ
 несущественную имперію. Даже въ наступающее время,
 вопреки Гагскому мирному Конгрессу, ни въ мѣдиума,
 родныхъ ни въ частныхъ отношеніяхъ ^{или мало} ~~нѣтъ~~ побѣды для
 проигнанныхъ мирныхъ едѣловъ. ^{Несмотря на конференцію возникла всеобщая}
 войны. Народы до сихъ поръ спо,
 собны почитать другъ друга не только во имя націо,
 малочислен и славы, но даже и ради проевого грабежа
 и самого первобытнаго разбоя. Возникъ солидарности
 желовоческихъ интересовъ весьма слабо и безрогаеда
 только у самого незнаменитѣльнаго меньшинства. Завѣтъ,
 въ области вынужденныхъ государственныхъ отношеній
 происходитъ еще болѣе мѣжа борьба между общеувен,
 ными классами и политическими парціями.

Несмотря на конференцію возникла всеобщая война.

Но сверхъ всего этого проектъ де-С.-Пьера въ высшей
 степени наивенъ уже потому, что онъ беретъ за отправной

зоркой своего второго мира - *paix universelle* - Франца,
 же XVII и начала XVIII века - договоры в Мюнхенере и
 Утрехте, которые, как известно, и во то время еле-еле
 держались, были дрянными во глазу почти у вельмо
 правительств и прозвонились интересам огнем мно
 гих держав. Мало того: еще неподвижные во проекции
 благодушного абзора то, что отъ обрекает все общество
 на полную политическую неподвижность, закрепляя
 их на вьки-вечные за извечными династиями и за
 извечными конституциями, и означает у общества
 вьдкую самоотделенную инициативу. С-Пetersь собствен
 не видяще того, что основной формы общественного
 устройства подвергается во истории существенные видо
 измьненія и что нельзя соорудить на вьчной вре
 мена (как А. Шаховь совершенно справедливо замь,
 гает) закон политический срьдь, который бы не сдаль
 зреть и непроизводительны для вьных развившихся
 потребностей и интересов. По проекцу абзага союзные
 государи общими силами охраняють существующее
 общественное устройство и общими же силами преду
 прещают или прещают внутреннюю процессацию
 во своихъ владениях. значить, выходяще, что, напер
 корь вьжилы новыи потребности, вьжилы но
 выи стремления общественныхъ классовъ, должи
 ны быть сохранены во иль второго мира старыи